

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ВОДЖОДАВ

САМОЦВЕТНЫЕ ГОРЫ

Мария Васильевна Семёнова

Самоцветные горы

Серия «Волкодав», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Азбука»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119934*

*Волкодав. Самоцветные горы: Азбука-классика; Санкт-Петербург;
2007
ISBN 978-5-389-04233-9*

Аннотация

Самоцветные горы – страшный подземный рудник, поглотивший тысячи и тысячи человеческих жизней. Когда-то именно сюда привезли проданного в рабство мальчика, позже получившего имя Волкодав. Мальчик сумел сделать невозможное – он остался жив и вырвался на свободу. Спустя годы последний воин из рода Серого пса возвращается к Самоцветным горам. Ему вновь предстоит спуститься в мрачные штольни, полные ужаса и страдания. Жизнь – ничто рядом с исполнением долга, Волкодав идет к руднику, как шел когда-то в замок кунса Винитария по прозвищу Людоед. Идет, не рассчитывая вернуться назад.

Содержание

Автор сердечно благодарит	4
1. Остров Закатных Вершин	9
2. На ясный огонь	65
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мария Семенова

Самоцветные горы

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Ирину Сергеевну Костину,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —
за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция) и
Дмитрия Олеговича Фурманского —
за компьютерную поддержку,

а также

Издательство «Азбука» —

за понимание и терпение в сложной жизненной ситуации.

МАРИЯ СЕМЁНОВА

ВОЛКОДАВ

САМОЦВЕТНЫЕ ГОРЫ

Расскажу я вам повесть минувших времён
О бродячем певце. От Богов одарён,
По краям чужедальним он, странствуя, пел
И везде прославлял свой родимый предел.
«Там, – он пел, – не умолкнут ручьёв голоса.
Там траву целовать не устанет коса,
Но лишь вдвое пышней вырастает трава,
И стада не объедешь ни в месяц, ни в два.
Там склоняются ветви под грузом плодов:
Нету в мире прекраснее наших садов!
А за ними горят городов огоньки,
И дробят их спокойные воды реки,
Отраженье бросая в пучины небес...
Вы нигде не найдёте подобных чудес!»
Принимали его у степного костра,
И на склонах хребтов, где кочуют ветра,
И у берега моря, где тучи и мгла,
И в пустынях, жарою спалённых дотла,
И в избушке лесной, и под сводом дворца —
Всюду рады заезжего слушать певца.
Видно, силу особую Небо даёт
Тем, кто в сердце чужбины о доме поёт!
Много лет в одиночку торил он свой путь...
И однажды надумал домой завернуть.
Что же дома? Он в ужасе смотрит вокруг...
Травостойный и пастбищный вытоптан луг,
За чужими стадами не видно земли,
У причалов чужие стоят корабли,

Незнакомые дети играют в садах,
Незнакомые песни слышны в городах,
Даже храмы и те изменили свой вид,
А на троне отцов – иноземец сидит...

...Оттого-то, друзья, пуще всякой заразы
Мы с тех давних времён опасаемся сглаза.
Ибо вот как аукнулось эхо похвал,
Что он родине в дальнем краю расточал.

1. Остров Закатных Вершин

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Такой лес венны называли красным. Стеной стояли высокие сосны, медноствольным тыном венчая каменистый креж¹ берега. Между ними и приречным обрывом лежал ровный луг. Днём по нему гулял тёплый ветер, волнуя густую траву и головки по-северному мелких, но от этого ещё более ярких цветов. Теперь стояла глубокая ночь. Дремали, сомкнув лепестки, дневные цветы, затих непоседливый ветерок, и лунное серебро как бы старило год, покрывая каждую сосновую хвоинку, каждую ворсинку травяных стеблей чуть ли не инеем.

Лес спал, и ему снились люди, никогда не бывавшие в здешнем краю.

Некто, наделённый тонкими чувствами и зрячей душой, на самой грани слуха мог бы уловить детский смех: две девочки-близняшки и третья, помладше, бежали сквозь густой малинник по тропке, утопанной их босыми ногами. Ручьи колокольчиками звенели в ответ, сбегая со скал. Дети спешили к зреющим ягодам, и за ними присматривала большая собака. Другой пёс – суровый охранник – лежал растянувшись на залитом предвечернем солнцем крыльце. Возле его

¹ *Креж* – береговой обрыв.

морды, в каком-то вершке от страшенных клыков, играл с кусочком меха маленький трёхцветный котёнок.

Лесу снилась женщина, вышедшая из дома. Эта женщина была прекрасна, потому что ее любили. Она вытирала руки вышитым полотенцем и звала ужинать мужчину, коловшего дрова на заднем дворе...

Видение счастья дрожало и колебалось в тихом ночном воздухе над пустой поляной. Сон заповедных кулижек, который, может быть, станет вещим. А может быть, и не станет.

Таяли в лунных лучах обрывки слов, разговора, весёлого смеха...

Лес ждал.

Может, раньше здесь в самом деле повсюду росли большие деревья, но теперь от них не осталось даже воспоминаний. Не догнивали между скалами обломки рухнувших стволов, не пытались расти корявые, от рождения изуродованные последыши. Всё было мертво. Ни травы, ни мха, ни даже лишайника. А под ногами влажно чавкала глина, перемешанная со щебнем. Ничьи корешки не сплачивали её воедино, превращая в живую и гостеприимную землю.

Так, наверное, выглядели бесприютные пустоши Исподнего Мира, где вечно зябли души неправедных и бесчестных людей... Волкодав шёл вперёд, вернее, прыгал с камня на камень и думал о том, что если уж Хозяйке Судеб было угодно завести его в подобное место, значит, он это чем-то да

заслужил.

Склон отлого поднимался вверх, давая возможность всё шире видеть позади берег, море и ставшую совсем крохотной «косатку» в узком заливчике. Огромные валуны, обломки первородных скал, выглядели так, словно их ничто не тревожило с самого начала времён. Волкодав всё пытался представить их себе одетыми в нарядные покровы мха и ягодных кустарничков, пытался мысленно посадить на них берёзы и сосны, проникшие корнями в трещины камня. Ведь шумели же здесь раньше зелёные ветви, хлопотали над гнёздами птицы, звериные мамки учили уму-разуму малышей...

Теперь в это очень трудно было поверить. Жизнь, чьё царство некогда представлялось вечным и нерушимым, на проверку оказалось хрупкой и мимолётной: сгинула – и как отроду не бывало её. А всё из-за ледяных великанов, которые, не сумев почему-то заполнить южный край острова, пробрались сюда под землёй. Ткни в любом месте лопатой – и, пройдя два-три вершка, лезвие ударится в лёд. Вот потому-то, хотя в иных странах, южнее, уже налилось силой красное лето, здесь, казалось, зиму сменила сразу поздняя осень, не сулившая тепла впереди – лишь ещё одну такую же зиму.

Подобное Волкодав видел годы назад, по пути в Самоцветные горы. Дорога, по которой двигался караван торговца рабами, забиралась выше и выше, и постепенно пропали сначала деревья, потом кусты и наконец вообще всякая зелень. Остались мёртвые осыпи и голые скалы, а по северным

склонам залегли нетающие пятна вечной зимы...

И точно так же, как здесь, высились впереди, медленно приближаясь, три снеговых пика, три Зуба, готовые безучастно дробить и перемалывать судьбы... Нет, конечно, Закатные Вершины были совсем не похожи на те горы, чьё изображение Волкодав доныне носил на груди. Но ничего не поделаешь – чувство возвращения поселилось в душе сразу и прочно, хотя и без спросу. Прошное ломилось из темноты, стучалось в дверь, ключ от которой был давно, казалось бы, выброшен. Голоса памяти до того властно требовали внимания, что мешали сосредоточиться на настоящем.

Едва ли Волкодав мог себе это нынче позволить...

«Ждите три дня, – наставлял своих людей Винитар, когда они с Волкодавом уходили на остров. – Никто не должен следовать за нами или искать нас, если ни он, ни я не вернёмся. Длиннобородый Храмн, собравший у Себя всех моих предков, сумеет рассудить справедливо. Если возвратится венн, отвезите его, куда он пожелает. Потом выберите себе нового кунса, и пусть он ведёт вас, как ему сердце подскажет».

И с этими словами молодой вождь повернулся спиной к кораблю, чтобы больше не оборачиваться, и зашагал вперёд, оставив семь десятков сирот молча смотреть вслед. Сегваны никак не напутствовали Винитара, хотя понимали, что более могут не увидеть его: уж Аптахару-то не понаслышке было известно, каков боец Волкодав. Больше полусотни мужчин стояли в полной тишине, и это безмолвие стоило любой про-

щальной песни или напутных молитв. Волкодав ощущал его так, как человек ощущает пропасть у себя за спиной.

Они с Винитаром не обременяли себя никакой ношей, кроме оружия. До старого двора кунса на северном берегу острова было всего около суток пешего хода – конечно, не напрямик, а изрядной петлёй, в обход гор. Насколько успел понять Волкодав, восточные склоны считались гораздо более отлогими и сулили меньше препятствий, чем западные, состоявшие из сплошных отвесных обрывов. Поэтому он весьма удивился, заметив, что, удалившись от моря, Винитар начал уверенно забирать к западу. Венн даже подумал, что вождь, должно быть, не слишком надеялся на безоговорочное послушание своих молодцов и хотел в любом случае избавиться от непрошеной свиты. Он всё же спросил:

– Ты хочешь обойти горы с запада?

Ответ Винитара застал его совершенно врасплох.

– Там жила моя бабушка, – сказал кунс. – Я хочу посмотреть, не осталось ли чего от её дома.

Волкодав некоторое время молчал. Об отце Винитара, носившем прозвище Людоед, он в своей жизни думал гораздо чаще и пристальней, чем ему того бы хотелось. Порою он пытался представить себе мать Винитара и бесплодно силился решить, на кого из родителей молодой кунс был больше похож. Но бабушка?... Как ни смешно, в первый миг его даже изумило, что Винитар упомянул о бабушке. Хотя, если подумать, у кого из людей её не было?... Как гласила веннская

поговорка – «Кто бабке не внук»...

Он подумал ещё и в конце концов проговорил:

– Я не всех ваших успел запомнить, когда вы у нас поселились.

Аптахара вот встретил потом, годы спустя, – и не узнал. Ни в лицо, ни по имени... Вслух он этого не сказал, потому что не об Аптахаре шла речь.

– Её там и не было, – ответил Винитар. – Она была стара и ждала смерти. Она отказалась ехать на Берег.

Волкодав подумал о Поноре, куда, согласно тёмным преданиям, в голодные годы добровольно уходили сегванские старики, а родня почему-то не хватала их за руки. Потом он вспомнил своего прадеда, которого застал больным стариком, уже не поднимавшимся с постели. Болезнь, разом отнявшая половину тела, застигла вроде бы крепкого ещё прадедушку далеко в лесу, на охоте. Старик сразу понял, что произошло, и не стал даже посылать собаку за помощью, решил ждать смерти. Но не тут-то было. Нашёл его чужой человек, молодой кузнец Межамир Снегирь, даже ещё не помышлявший ни о каком жениховстве. Он и познакомился-то с Серыми Псами, когда принёс к ним старика и с рук на руки передал ясноглазой внучке. Так новой жизнью обернулась посрамлённая смерть – сватовством кузнеца, рождением деток... Волкодав снова подумал о седовласых сегванах, шагавших в небытие Понора. Вообразил чёрную зиму, наступившую вслед за чахоточным летом сродни нынешнему, во-

образил последние связки сушёных тресковых голов на прокопчённых стропилах и тощих детей, у которых те старики невольно забирали кусок... *Не суди, учила веннская мудрость. Не суди соседа, пока не проходил хоть полдня в его сапогах...*

Но как, наверное, похожи были голодные дети Закатных Вершин на тех, что рылись в отвалах руды возле подъездных трактов рудника и бегали с тачками, высыпая породу в обитый медью жёлоб... Аргила. «Не говори, что тебя нет. Ты есть...»

...Хотя всё не так. Что могло быть между ними общего? Да, те и другие обречены были смерти – но одни умирали дома, зная: для них сделали всё, что только могли... а другие – по злой воле чужих и равнодушных людей...

И опять – нет, не так! Где есть люди, там есть и добро, и самопожертвование, и любовь. Даже в такой исконной вотчине зла, как Самоцветные горы... Волкодав помнил: старшие рабы порою заботились о мальчишках, точно о собственных сыновьях. Прикованный на цепь рудокоп, погибая в забое и не имея возможности выбраться, успел вышвырнуть наружу подростка. И сам Волкодав, именовавшийся в те годы Щенком, нипочём не выжил бы, если бы его, запоротого, не оберегали, не подкармливали двое взрослых невольников... один из которых добровольно приблизил свою смерть, чтобы дать ему, Щенку, зыбкую возможность уцелеть. Волкодав понял это лишь годы спустя.

«Прощай, брат».

«И ты прощай, брат...»

Винитар, кажется, по-своему истолковал хмурое молчание венна. Удивительно было, что ему вообще понадобилось его истолковывать, но он сказал:

– Я хотел убедить её ехать. Или тоже остаться. Когда уходил корабль, я сидел под мачтой привязанный.

Склон, по которому поднимались двое мужчин, представлял собой, собственно, сплошную гвазду – грязевое болото, почему-то не утекавшее вниз. Вот что получается, когда откуда-либо уходит жизнь и оставляет на теле земли омертвевшую гниющую рану. В таких ранах водятся черви, но здесь даже черви давно уже вымерли от бескормицы – плоть сгнила насовсем, рассыпалась прахом. Приходилось всё время смотреть под ноги, чтобы не вывернулся из-под сапога камешек, затаившийся в глине, да не привёл упасть, окончательно мараясь в грязи. Мало походило всё нынешнее на тот поединок на вершине залитого солнцем лугового холма, под льющуюся с небес песенку жаворонка, как мечталось некогда Винитару. Каким станет Божий Суд, предназначенный положить конец их с венном вражде? Неужели они станут топтаться в мерзкой грязи или по колено в талом снегу, даже не имея возможности порадовать Небеса красотой воинского мастерства?..

А впрочем, кто сказал, будто подвиг и справедливость

должны непременно являть ещё и красоту?..

Молодой кунс покосился на Волкодава, шедшего рядом. Ему показалось, кровный враг размышлял примерно о том же, и он спросил его:

– Что хмуришься, венн?

Волкодав честно ответил:

– Самоцветные горы вспомнил. Там, поблизости, места были уж очень похожие.

Винитар отметил про себя, что венн говорил ровным голосом и дышал тоже ровно, не слишком запыхавшись на длинном подъёме по скользкой и вязкой глине, грозящей стянуть с ног сапоги. Это было хорошо. Значит, совсем оправился от последствий Хономерова зелья. Значит, в грязи или не в грязи, а будет-таки между ними настоящий Божий Суд, равный поединок, и победит в нём тот, с кем Правда Богов, а не тот, кто лучше ел накануне...

Они выбрались на самый верх склона. Впереди открылось то, что на родине Волкодава называлось залавком – ровным плоским местом на склоне холма, пригодным для огородничества и жилья. Здесь Винитар вдруг остановился, словно налетев на стену. Волкодав сделал ещё несколько шагов, потом обернулся посмотреть, что случилось.

Предводителю морской дружины было в полной мере присуще умение держать при себе свои чувства и не дрогнув принимать всякое известие, будь оно умопомрачительно радостным или сокрушительно горьким. Но, зная, выру-

би себя хоть из гранита, а и гранит растопит возвращение после долгой разлуки домой... Лицо у Винитара сейчас было как у человека, который, отправляясь в дальний поход, оставил свою мать крепкой женщиной в зрелом цвету, полновластной хозяйкой семьи, и много лет представлял её себе такой, а вернувшись... застал высохшую старуху, угасшую и телом, и разумом. Волкодав понял: мёртвый склон всё-таки не лишил Винитара упрямых последних надежд. Кунс предполагал что-то увидеть здесь, наверху. Что же? Волкодав огляделся. Обширный залавок был таким же мокрым, грязным и бесприютным, как и оставшийся позади склон. Всюду, сколько хватал глаз, громоздились точно такие же груды скальных обломков, а на расстоянии нескольких поприщ начинался снеговой бок ближней горы. К середине своей залавок заметно понижался, и разжиженная глина натекла туда сущим бельмом, густым, как сметана, и ровным, как озеро, замёрзшее в безветренную погоду.

Винитар заметил взгляд Волкодава и криво усмехнулся:

– Раньше мы называли это место Одонь-Талх – Звёздной долиной... Здесь снеговые воды с гор выходили из-под земли множеством родников, и в ясные ночи долина казалась продолжением звёздного неба...

Он мог бы добавить, что на Одонь-Талх, обитатели хрустальных ключей, никогда не пасся ничей скот. Здесь давали клятвы влюблённые. Сюда приходили испрашивать благословения люди, чувствовавшие в себе дар стихотворцев.

Наверное, Волкодав, выслушав, согласился бы с кунсом, что так тому и следовало быть. И, вероятно, даже припомнил бы незабвенную Глорр-килм Айсах, поднебесную Долину Звонящих ручьёв, не зря называвшуюся священной и заповедной, ибо, едва не сделавшись полем великой битвы двух непримиримых племён, послужила она их чудесному примирению, причём не без явного вмешательства свыше... Но Винитар ничего не рассказал – не довелось. На плечо Волкодаву шлёпнулся вернувшийся Мыш и принялся топтаться, недовольно пофыркивая. Венн мельком посмотрел на него и спросил Винитара:

– Кто теперь живёт на твоём острове?

– Значит, и ты заметил, что за нами увязался Шамарган? – ответил кунс. – Не знаю уж, как он улизнул от моих людей, а зачем ему понадобилось за нами следовать – и знать того не хочу. Поймаю и...

Он стал прикидывать про себя, что надлежало сделать с бесстыдным ослушником, не уважившим приказа, но Волкодав покачал головой:

– Не о нём речь. Их много, и мысли у них не самые дружелюбные.

От «косатки» их с Винитаром отделяло целое утро весьма упорной ходьбы. Отсюда корабль нельзя было даже увидеть, не то что рассчитывать на подмогу. С таким же успехом «косатка» могла бы находиться вовсе у другого берега моря. Винитар не стал затравленно озираться, выискивая врага. Лишь

спросил, усмехаясь углом рта:

– Об их мыслях тоже твой зверёк тебе рассказал?

– Нет. Сам чувствую.

– Раньше, – задумчиво проговорил Винитар, – ты, насколько я тебя помню, ответил бы как-нибудь так: «Может, и рассказал»... Изменился ты, кровник.

Волкодав хмыкнул:

– Может, и изменился...

Они почти весело переглянулись и снова зашагали вперёд, обходя мертвенно-синеватый глиняный наплыв, поглотивший чудо Звёздной долины.

И неоткуда было знать им (а жаль: узнав, оба от души посмеялись бы), что далеко за морем, измеренным и преодолённым «косаткой», посреди континента, называемого Шо-Ситайном, хорошо знакомый им обоим Избранный Ученик Хономер боролся с весьма сходными трудностями. Разве что в раскисшей грязи скользили не его ноги в сапогах, а копыта коня.

Он не был бы Избранным Учеником, предводителем тинвиленского жречества Блинецов, если бы не умел принимать решения, а потом вызывать к жизни задуманное, напряжением духовных и плотских сил давая бытие небывалому. Постановив самолично осмотреть языческую кумирню, внушавшую столь недолжное чувство почтения иным собратям по вере, Хономер, не мешкая долго, велел единствен-

ному оставшемуся здоровым «кромешнику» собрать припасы и десяток надёжных людей – и двинулся на Заоблачный кряж. Он всегда был лёгок на подъём.

Его караван ничем не напоминал нищий поезд горцев-итигулов, отбивший туда же несколькими седмицами ранее. Тот и поездом-то едва ли заслуживал называться: так, несколько мохнатых лошадок с выюками и одна под седлом – для старца Кроймала. И пешие дикари. Со своими собаками...

Что ж, пусть двое Учеников, явившие в Кондаре столь прискорбно малое рвение, путешествуют в убожестве и лишениях, как пристало вероотступникам – либо опасно приблизившимся к отступничеству и потому скрывающимся от праведных единоверцев. Он, Хономер, намерен был совершить эту поездку совсем по-другому. Нет, не то чтобы его пугали ночёвки на пыльных войлоках, в горских палатках из волос дикого быка, сквозь чёрную ткань которых просвечивает ночное небо и поддувают стылые ветры. Когда весной они скрытно, иными дорогами, следовали за Волкодавом, Хономеру доводилось спать и под открытым небом, на прихваченной последними заморозками земле, и вовсе в седле, и попросту обходиться без сна. Радетель с юности был привычен к странствиям по диким краям, где никто не стелил ему тёплой постели и не пёк лепёшек на ужин. И он отнюдь ещё не стал ветхим стариком вроде Кроймала, чтобы ему на каждом шагу требовалась забота и помощь. Нет! Дело не в

том. Жреческое одеяние Хономера нынче блистало яркими красками, он был попечителем святой веры в большом богатом городе, а поскольку Тин-Вилена являлась крупнейшим городом целого континента, – значит, Хономеру надлежало блюсти дело и славу Близнецов во всём Шо-Ситайне.

И кому какое дело, что Тар-Айван, расположенный, собственно, вдвое ближе к Тин-Вилене, чем к тому же Кондару, до сего дня весьма мало интересовался пастушеским краем, предпочитая обращать свои взоры на куда более изобильные и причастные к судьбам мира державы: Мономатану, Саккарем, Нарлак, Халисун...

Хономер твёрдо знал: пробиваться к вершинам жреческой власти в одной из этих стран – определённо не для него. Лучше быть первым в Тин-Вилене, чем тридцать первым в Фойреге. Он не помнил, кто это сказал. Надо будет, вернувшись, отрядить младших жрецов порыться в библиотеке – и непременно найти.

Хономер очень рассчитывал на нынешнее своё путешествие. Вероятно, внутренний голос по-своему истолковал бы этот расчёт и скорее всего объявил бы его неким возмещением за сокрушительную неудачу с Винитаром. Однако внутренний голос потому и называется внутренним, что никто не слышит его, кроме нас самих... да и мы-то всего чаще предпочитаем не слушать.

Нынче для Хономера был именно такой случай. Да, он потерпел неудачу, которую глупо было бы отрицать, и ещё глу-

пее – гнать из памяти, притворяясь, будто ничего не случилось. Зелье, сваренное Шамарганом, обладало обрекающей силой. Хономер сам проверил его на двоих никчёмных людишках из числа городских бродяг и убедился: отравы разила наверняка и противоядия не имела. А значит, венна давно уже съели морские рыбы... и, вероятно, тоже в свою очередь отравились. Жалеть тут было, собственно, не о чем, но венн унёс с собой тайну имени старого жреца, и вот этого Хономер простить ему не мог.

Хотя... прощай или не прощай мёртвому, с него в любом случае немного взыщешь. Волкодав пребывал в посмертной обители своей веры – где именно, Хономер не знал и не стремился узнать, ибо туда не достигал свет Ближнецов, а стало быть, прикосновенному к истине не было ни пользы, ни смысла в её изучении.

Как и в изучении кан-киро, оказавшегося неспособным служить распространению веры.

Заблуждения – и свои личные, и всего рода людского – следовало оставить в прошлом, а самому двигаться дальше. Туда, где ждал чаемый подвиг, а с ним и награда.

Всё великое, говорил себе Хономер, однажды началось с малого. Может быть, со временем что-то начнётся и отсюда, из шо-ситайнского захолустья. А здесь ведал всякими начинаниями только он – Избранный Ученик.

Ну и пристало ли такому значительному человеку являться на Заоблачный кряж в заляпанных грязью штанах и пада-

ющим с ног от усталости?.. Ни в коем случае. Горцы – варвары. Они должны сразу понять, что их святилище навесит великий муж, посвящённый воистину единственной веры. Веры, перед которой всё варварское великолепие их молельни должно уподобиться пыли, развеваемой ветром.

И потому Хономер вёз с собой хороший шатёр, добротные лежа и запас снеди, который позволит не прибегать к итигульскому гостеприимству. И ещё книги. Чтобы не прерывать обычных занятий, да заодно показать невежественному народцу облик учёности.

Пусть видят дикие итигулы – вот человек, уповающий не на духов снегов и скал, а на Богов, которые поистине достойны всяческого упования!

Хономер давно усвоил: с каждым племенем нужно разговаривать на его языке. Каждому народу или отдельному смертному следует открывать ту грань величия Близнецов, которую он способен уразуметь. Вот тогда будет толк. Если же, ни с чем не считаясь, переть силой на силу – тут любой, соприкасавшийся с кан-киро, подтвердит: добра не получится...

...Увы, покамест было очень похоже, что местные горные духи всего менее склонны были уважать Богов-Близнецов, а уж о благородном кан-киро и вовсе ни малейшего понятия не имели. Как только караван Хономера покинул непосредственные окрестности Тин-Вилены и стало совсем несподручно возвращаться из-за погоды – тут-то и сделались небы-

валы для летней поры холода. Зарядил нудный дождь, присущий скорее осени, нежели лету, как раз переживавшему полный расцвет. Ригномер положительно не узнавал знакомой дороги. Пелены морозящей сырости не давали рассмотреть ничего далее сотни шагов. Хономер горбился в седле, под кожаным плащом, пропитанным от дождя особой смесью масла и воска, и хмуро думал о том, что повыше в горах вполне мог залечь снег. Хотя в вершинную летнюю пору снега на проезжих перевалах не водилось даже на памяти стариков.

С гривы лошади Хомера стекала вода. Лошадь вяло плелась вперёд, шерсть на её ногах была тускло-бурой от сплошной грязи. И сухого привала впереди отнюдь не предвиделось.

А ведь это была хорошая, удобная, давно известная дорога, позволявшая без больших хлопот перевалить окраинную гряду Засечного кряжа и попасть на возвышенное плоскогорье, называемое Алайдор. Перебравшись через него, путешественник оказывался уже в настоящих горах, на пороге страны игитулов. «Под сенью Харан Киира», как принято было у них говорить. Обдумывая и готовя поездку, Хономер нимало не сомневался, что уж до Алайдора-то доберётся без особых хлопот. И почему бы нет? Состоятельные тин-виленцы ездили на Алайдор охотиться на горбоносых горных оленей и даже не нанимали проводников. Он и сам, особенно в первые годы, неоднократно поднимался на плоскогорье и

хорошо помнил дорогу...

...Или ему казалось, будто он хорошо помнил её. Хономер смотрел по сторонам и всё более приходил к выводу, что они заблудились. Как ни мало вероятно на первый взгляд это выглядело. Дорога была всего одна, берегом быстрой реки, бежавшей вниз с Алайдора. Не имелось даже ни единой развилки, чтобы свернуть на ней не туда. Они и не сворачивали. Да и река – вон она, бьётся и грохочет внизу, вздувшись от непрерывных дождей... Тем не менее Хономер никак не мог отделаться от крайне малоприятного ощущения. Он сбился с пути. Его караван забрёл не туда. И будет вечно блуждать в сером дождевом сумраке, и новые путешественники будут предостерегать друг друга от встречи с вереницей призрачных всадников: дурная примета...

Вот это уже были совсем неподобные мысли и суеверные страхи, ни в коем случае не достойные Избранного Ученика! Хономер сурово упрекнул себя в малодушии и вознёс прочувствованную молитву Близнецам, испрашивая духовной поддержки.

Не помогло.

Зато с низко надвинувшихся небес, словно в насмешку, хлопьями повалил мокрый снег. Липкий, тяжёлый и невыносимо холодный. Руки Хомера, державшие повод и без того замёрзшие, начали попросту леденеть – так что перестали слушаться пальцы. Это было последней каплей. Он оглянулся и потребовал к себе проводника. «Вожака», как принято

было говорить в Шо-Ситайне.

Проводником же у него был Ригномер Бойцовый Петух. Тот самый. Он был редкостным болтуном и задирой, но – что есть, того не отнимешь – тропы Заоблачного кряжа знал лучше многих. Правда, до сего дня Ригномер ни разу не нанимался в проводники. Не было надобности. И так неплохо жил, торгуя помаленьку у горцев знаменитые шерстяные ткани. В этом году торговля у Ригномера не ладилась, хоть ты плачь. Итигулы либо просто отказывались с ним разговаривать, либо цену заламывали такую, что, по мнению Бойцового Петуха, их родные снега должны были бы покраснеть со стыда. Горцы, однако, не краснели. А вот Ригномер заскучал, опустил перья – и крепко задумался, чем станет кормиться. И это было хорошо, что у него водились счёты как с итигулами, так и с молодым Волком, нынешним Наставником учеников кан-киро. Тот лучше служит, кто ждёт, что служба даст ему возможность поквитаться с обидчиками...

Проводник подошёл к стремени Хономера и вопросительно снизу вверх посмотрел на жреца. Ригномер шёл на своих двоих от самой Тин-Вилены, являя ещё одну знаменательную черту сегванского племени. Потомки давно осевших на Берегу вполне пристрастились к верховой езде и успели даже вывести собственную породу боевых лошадей. А вот среди недавно покинувших Острова немало было таких, кто вообще не признавал седла. К числу этих последних и принадлежал Ригномер. Правду сказать, утомить Бойцового Петуха

было очень непросто.

– Сколько ещё до Алайдора? – мрачно осведомился Хономер. Его так и подмывало спросить, не ошиблись ли они дорогой, но он удержался, хоть и не без труда.

Ригномер провёл рукой по усам, досадливо отряхнул с ладони талую жижу и ответил:

– Было бы ведро, сказал бы – два дневных перехода. В такую погоду хорошо если получится дойти за трое суток, а не за четверо.

Хономер про себя застонал. Внешне, однако, он ничем не выдал разочарования, лишь кивнул, не переменившись в лице, и толкнул пятками лошадь, надумавшую было вовсе остановиться. С надвинутого капюшона при этом сполз изрядный пласт снега, успевший налипнуть и залечь, словно собираясь остаться там навсегда. Хономера вдруг посетило неприятнейшее видение своего собственного бездыханного тела, замёрзшего, скрюченного в последнем убежище где-то за камнем и постепенно заметаемого снегом, переставшим подтаивать...

Он вздрогнул, передёрнув плечами – то ли от холода, то ли прогоняя мимолётную тень неуверенности. И поехал вперёд, на каждом шагу понукая коня.

Когда Волкодав наконец увидел этих людей, он понял, что понапрасну оклеветал себя, решив некоторое время назад, будто подрастатил способность угадывать чётко враже-

ские намерения ещё прежде, чем сам враг покажется на глаза. Нет, похоже, с ним самим всё обстояло как прежде. Дело было в обитателях острова. Когда они перестали таиться и показались из-за камней, Волкодав в первый миг даже усомнился, а следовало ли причислять их к роду людскому – или, может, к одному из племён иной, внечеловеческой крови, вроде нардарских тальбов либо дайне, соседей и друзей вельхов?.. Между скалами мелькали низкорослые, сгорбленные силуэты, издали казавшиеся равномерно мохнатыми, причём мех производил впечатление не заёмного, а родного.

– Когда мы уходили, на острове оставалось немало рабов, – проговорил Винитар. – Больше двадцати зим прошло... Должно быть, это их дети.

В племени Волкодава не чурались обзаводиться рабами, будь то пленники, взятые во время немирья или купленные на торгу. Раб для веннов был человеком, чьи поступки отняли у него право самому распоряжаться своей жизнью. Его собственные поступки – или его предка, что было в их глазах то же самое. Недостаток мужества, вынудивший просить пощады в бою, или неспособность вести хозяйство, не залезая в долги, – то и другое вполне справедливо лишало взрослых мужчин и женщин звания полноправных людей, низводя их до положения несмышлёных подростков, отнюдь не вышедших из родительской воли. У веннов рабы сидели за общим столом в самом его низу, после хозяйских детей. От справно-

го раба ожидали, что он овладеет каким-нибудь ремеслом и сумеет выкупиться на свободу либо же совершит смелый поступок, уравнивающий постыдное деяние праотца. То есть проявит себя так, как это надлежало подростку, стремящемуся заслужить звание взрослого. И скверным человеком среди веннов считался тот, кто бьёт своего ребёнка... или раба.

Волкодав покосился на кунса, ожидая, что тот скажет ещё. Винитар стоял, опершись коленом о камень, и что-то разглядывал на скале. Он ответил, не оборачиваясь:

– У тех невольников оставались лодки, чтобы ловить рыбу и зверя. Правда, не столь мореходные, чтобы достичь других островов: все большие мы забрали с собой. Но рабы не слишком печалились. Они дожидаться не могли, чтобы войти в дом и завладеть всем, что осталось. Мой отец сказал тогда, что они крутились как трупоеды над стервой, и мне подумалось, что он был прав.

– Если это вправду их дети, то быстро же они одичали... – проворчал Волкодав.

Винитар не ответил. Он разглядывал рисунок, выбитый и выцарапанный очень старательной, но недостаточно сильной рукой. Молодой кунс нашёл его только потому, что хорошо знал, где искать. Следовало всячески благодарить огнебородого Туннворна за то, что лёд ещё не добрался сюда, укрывая и перемалывая своей тяжестью всё, что на пути попадалось. Намеченные в умытом дождями граните, просту-

пали две мужские фигурки. Та, что находилась вверху, была больше, мужественней и любимей. Та, что внизу, – поменьше, поплоче. Между ними угадывался мальчик, тянувшийся к верхнему, в то время как нижний держал его за ногу. Из чресл верхнего исходила дуга, завершавшаяся в лоне женской фигурки, замершей с воздетыми руками чуть поодаль. А с противоположной стороны на мужчин – в особенности на нижнего – нападало большое животное. О четырёх ногах, с сильными челюстями и с густой шерстью, вздыбленной на заливке... Суровый боевой кунс водил рукой по рисунку, гладил его и всё не отводил глаз – так, словно желал унести в памяти навсегда, а рука могла ощутить тепло другой руки, прикасавшейся к влажному камню. Волкодав про себя рассудил: найдёт или нет Винитар жильё своей бабки, а последнюю весточку от неё он, похоже, всё-таки получил. Смысл рисунка был ему не особенно ясен, но Винитар, похоже, прочёл его без труда.

И бабушку свою он, зная, крепко любил...

Между тем невысокие мохнатые фигурки продолжали мелькать вдалеке, то тут, то там показываясь между камней, и теперь Волкодав видел, что мех объяснялся одеждой. Скроенные на удивление ловко, одеяния сидели на телах как вторая кожа, совсем не стесняя движений и делаю человека издали похожим на зверя. Волкодаву случалось знакомиться с племенами, обладавшими несравненным умением выделывать шкуры и превращать их в одежды, и так получа-

лось, что воспоминания каждый раз оставались достаточно тягостные. Вспомнить хоть роннанов-харюков, лесное племя Медведя... Почему? Волкодав сам считал себя наполовину собакой, но браться с теми зверо-людьми у него никакого желания не возникало. Он долго думал об этом. И решил – наверное, всё оттого, что их человеческие половины казались ему замутнёнными, утратившими разумную ясность. У него в роду почитание предка-Пса всё же не доходило до копания нор...

– Охотятся, – сказал он Винитару. – Но не на нас.

– Боятся, – отозвался кунс, не оборачиваясь. И с презрением добавил: – Рабы!

Что двигало мохнатыми? Вправду ли наследное чувство рабов, ощутивших – вернулся грозный хозяин? Или звериное знание, внятно предупреждавшее: эта дичь слишком решительна и зубаста, не будет добра?.. Волкодав потянулся вовне и опять уловил рыжие пламена присутствия Шамаргана, на сей раз отчётливо задымлённые подавляемым страхом. Беглый лицедей, понятно, тоже заметил охотников. И сообразил, что очень скоро его возьмут в полукольцо, прижимая к отвесной скальной стене.

– У него большой заплечный мешок, – сказал Винитар. – Не иначе, стащил что-то на корабле, а тут и разбойники. Поделом!

Волкодав ответил не сразу. Он медлил, стараясь приноровиться к обитателям острова. Их стремления не были полно-

стью человеческими или откровенно звериными, они представляли собой некую невнятную, неоформившуюся смесь, тяжкую для понимания; таков нрав тумака-волкопса, взявшего не пойми что от обеих сторон. Всегда трудно понять породу, когда она только ещё нарождается, не успев устояться. Или – вырождается. Как здесь. Перед ним были одичавшие потомки людей. Уже не люди в полном смысле слова. Правда человеческой жизни утратила среди них силу. А животные порядки ещё не обрели власти.

Дикая, незаконная орда, хуже которой трудно что-нибудь выдумать... Сквернейшее посрамление, которое могло случиться с островом Закатных Вершин. Худшее, что мог найти здесь Винитар.

– Не разбойники, – помолчав, проговорил венн. – Они не знают, что значит грабить. Они охотятся.

Кунс наконец оторвался от рисунка, выбитого на скале. Он посмотрел, как перебегали от камня к камню мохнатые, и не стал вслух гадать, нужна ли им была голова Шамаргана, чтобы насадить её на кол во славу неких Богов. Такие не поклоняются Богам и не воздвигают Им алтарей. Попавшую им в руки добычу, будь она двуногой, четвероногой или с крыльями, ждёт одна-единственная судьба. Добычу обдирают и едят. Причём сырую и даже прямо живую – ради целебных свойств ещё не умершего мяса.

Шамарган прятался до последнего. Но, когда к нему подо-брались слишком близко, – кувыркком выкатился из-за валу-

на, вскочил на ноги и кинулся бежать. Причём не абы куда. Всё-таки он бывал в разных переделках и выучился сохранять определённое здравомыслие. А также выбирать меньшее из нескольких зол. Он понимал, что Винитара с Волкодавом не очень-то обрадует его появление, но... этих людей он знал, и потом, они были по крайней мере *люди*. Когда всё кончится, они, вероятно, отнюдь не погладят его по головке, скорее зададут крепкую взбучку, но это будет обычное человеческое наказание, которое можно будет принять.

Волкодав и Винитар, по крайней мере, не будут смотреть на него и *улыбаться*, облизываясь и подбирая слюну...

Шамарган бежал к ним, размахивал руками и кричал, взывая о помощи.

Охотники сразу бросились за удирающей дичью. Привыкшие сганивать какого угодно зверя, они были очень выносливы и упорны в преследовании, но гораздо более длинные ноги, подстёгнутые отчаянным желанием спастись, на первых десятках шагов позволили Шамаргану заметно опередить погоню. Наверное, его прыть показалась преследователям чрезмерной. Не прекращая бега, они стали стрелять.

Стрелять – сказано плохо, ведь это от слова «стрела», а ни луков, ни стрел ни у кого из охотников не было. Их ведь делают из можжевельника, сосны, берёзы и ели, а они на острове Закатных Вершин давным-давно перевелись. Потомки рабов раскручивали пращи, сделанные из полосок жёванной кожи, и вслед Шамаргану нёсся рой жужжащих камней. Пра-

ща – оружие, которое можно сделать буквально из ничего, но, как и всякое оружие, в умелых руках оно творит чудеса. А уж умения здешним жителям было не занимать...

На счастье лицедея, он так и не бросил действительно большого и увесистого мешка, навьюченного на спину. Мешок, в котором Волкодав уже без особого удивления признал свой собственный, принял десятки метких ударов и тем спас беглецу жизнь. Камни, пущенные убивать, разили с такой силой, что без нечаянного панциря Шамарган давно свалился бы бездыханным. Его и так мотало из стороны в сторону. Потом кто-то изловчился достать его по ноге, и лицедей упал на колени.

– Поделом! – проворчал кунс.

У Волкодава, помимо Солнечного Пламени, привычно висели за спиной два деревянных меча. Они с Винитаром уже мчались вперёд, когда он вытащил один и перебросил сегвану, а второй схватил сам. Они подоспели к Шамаргану и с двух сторон встали над ним, и больше ни один камень в лицедея уже не попал.

Что такое деревянный меч? Это, в общем, тяжёлая и толстая палка из очень твёрдого дерева, выглаженная и оструганная до некоторого сходства с настоящим клинком. Воины пользуются ими, совершая ежедневное правило, радующее тело и дух, и обращаются с деревянными мечами не менее уважительно, чем со стальными. Это оттого, что они знают, каким страшным оружием способна быть подобная «пал-

ка». Ею можно добыть себе славу, отстоять честь и совершить справедливость. С нею выходят против врага, вооружённого настоящим мечом, и побеждают, и это есть признак великого мастерства.

И Винитар, и Волкодав были мастерами из мастеров... Попробуйте-ка взмахнуть деревянным мечом так, чтобы он просвистел на лету: не сразу получится. А их мечи пели на два голоса, пели уверенно и грозно, рисуя в воздухе прозрачный узор, и воздух обретал твёрдость. Камни отскакивали с треском, как от сдвоенного щита. Охотники остановились, смутившись. Такого, чтобы подбитому баклану слетели на помощь два хищных поморника, они явно не ожидали. Перемазанный в грязи Шамарган сперва полз на четвереньках, потом кое-как встал и заковылял, хромая, вперёд. Мешок, испещрённый и кое-где даже прорванный ударами камней, он по-прежнему не бросал. Волкодав и Винитар отступали следом, держа мечи наготове.

Их не преследовали. Это была не схватка врагов, тем более такая, в которой стремятся победить или умереть. Это была охота. А кто полезет в зубы сильному и огрызающемуся зверю – зачем, ради чего?

Всегда можно найти дичь полегче.

А если её нету поблизости – выждать, пока сильный ослабеет.

Или хитрость какую-нибудь изобрести...

– Куда теперь? – спросил Волкодав, когда все втроем они

наконец укрылись за большим камнем. Тот некогда свалился с обрыва, да так и остался стоять, наклонившись и прильнув к обширному телу скалы, словно пытаясь заново срастись с ним. Под камнем было даже относительно сухо. И более-менее безопасно. На время. — Ты многое здесь помнишь, кунс... Вырвемся?

Винитар покосился на него, их глаза встретились. Вот как оборачивался их поход за Божьим Судом. Шли искать место для поединка, а довелось встать плечом к плечу, защищая третьего. И кого? Шамаргана. Ни тем, ни другим особенно не любимого. Лицедей сидел на колющем щебне, забившись в глубину каменного «шалаша», и, ещё не успев отдышаться, всхлипывая и сопя, с напряжённым лицом ощупывал сквозь штаны левую ногу выше колена. Двое воинов мельком на него покосились. Доковылял сюда — значит, и дальше идти как-нибудь сможет. Им же думать теперь следовало давным-давно не о Шамаргане и не о достойном завершении мести, посеянной годы назад, не о том, чья правда выше перед Богами. Для начала следовало попробовать остаться в живых. Остальное — потом. Будет жизнь — будет и время подумать о том, как лучше её употребить...

Так, во всяком случае, сказал себе Волкодав.

Винитара, судя по всему, посетили весьма сходные мысли. Он сказал, помолчав:

— Рядом начинаются ущелья. Мальчишкой я изучил их лучше многих, потому что любил здесь охотиться. Был путь

и до моря, хотя что там теперь завалено льдом, а что нет, я не знаю.

Куда стремится морской севган? – подумалось Волкодаву. К морю, конечно. Добрался до моря – значит, спасён!
Вслух он спросил:

– А они с другой стороны они не подберутся?

Винитар ответил с полной уверенностью:

– Нет. – И пояснил, заметив его недоверчивый взгляд: – Там нельзя пройти. Там Понор.

У старейшины Клеща хватило соображения понять, что его верный Мордаш налаживается бежать из дому не во внезапном приступе дурости и даже не по любовным делам. Клещ видел: потерявший покой пёс что-то силится ему объяснить и до последнего не хочет уходить самовольно, отрекаясь от его, хозяина, над собой власти. Был бы Мордаш человеком, старейшина, пожалуй, усмотрел бы в его поведении борьбу между привычным долгом, помноженным на любовь, – и неким высшим велением. Но это о человеке. Можно ли подобное сказать про собаку?..

И каким образом беспокойство Мордаша было связано с непонятным предметом, который принесла умирающая дворняжка и с которым Мордаш теперь нипочём не хотел расставаться?..

Этот предмет он ненадолго доверил хозяину, пожелавшему рассмотреть. Клещ увидел перепутанный комок тонких

верёвочек, бесформенный, слипшийся и вонючий. Поистине подобная штукавина могла быть интересна только собаке. Старейшина стал ждать, чтобы Мордаш наигрался и успокоился, но не тут-то было. Гордый вождь всех деревенских собак вёл себя словно пропустовавшая² сука, которая, не родив щенков, решает считать ими хозяйские башмаки и принимается ревностно опекать их, охраняя от посторонних. Единственное отличие состояло в том, что для своей драгоценной верёвочной путанки Мордаш не строил гнезда, а, наоборот, стремился нести её куда-то в сторону Тин-Вилены и, выходя с хозяином за ворота, всячески старался это ему втолковать.

Заметив, что с каждым днём кобель отбегает прочь по дороге всё дальше и возвращается всё неохотней, старейшина сдался.

– Не на цепь же тебя, в самом деле, сажать, – сказал он Мордашу. Вот уж, право слово, было бы безобразие. Да и не удержала бы Мордаша цепь... Взяв крепкий шнурок, Клещ обвил им могучую шею любимца. Принял из послушно раскрывшейся пасти верёвочную связку и устроил её на шнурке, тщательно закрепив. Теперь Мордаш сможет есть, пить и защищаться в пути, не опасаясь потерять свою важную носу...

Сделав это, старейшина заглянул в тёмно-карие, широко

² *Пропустовавшая* – о суке: пережившая очередной период готовности к размножению («пустовку»), но не забеременевшая. Поведение подобной собаки, увлечённо «играющей» в материнство, называется ложной беременностью.

расставленные собачьи глаза, и ему отчётливо показалось, будто Мордаш понимал его действия. И был за них благодарен.

– Вернёшься ли? – вздохнул Клещ.

Вместо ответа кобель дал ему лапу. Тяжёлая когтистая пятерня без остатка заняла немаленькую мужскую ладонь. Чёрные подушечки были тёплыми и твёрдо-шершавыми, привычными к долгому бегу по любым дорогам и вообще без дорог. Кобель отнял лапу и протянул хозяину другую. И наконец, наклонив голову, упёрся широченным лбом старейшине в колени, заурчал и начал тереться, едва не свалив его с ног.

– Эх, – Клещ подхватил клюку и, яростно хромя, сам пошёл Мордаша за ворота. Прошагал с ним по тин-виленской дороге несколько сот шагов через луговину до леса, почему-то вспоминая, как встретил здесь того странного чужака... Возле первых сосен Клещ остановился. И гулко хлопнул оглянувшегося пса ладонью по боку: – Беги!..

Мордаш несколько раз подскочил на месте, отрывая от земли все четыре ноги, точно щенок, которого выпустили гулять... Последний раз ткнулся мокрым носом в хозяйскую руку, как поцеловал. И зарысил прочь по дороге – ровно, уверенно, неутомимо.

– Возвращайся... – пробормотал старейшина внезапно осипшим голосом. – Возвращайся скорее...

И заковылял обратно к деревне, чувствуя себя сиротой.

Винитар даже начертил ущелья на разглаженной сапогом глине, чтобы всем было понятней. Волкодав увидел перед собой нечто вроде паутины, составленной из очень равномерно расположенных борозд и слегка закрученной посолонь. Венн про себя удивился, обнаружив, что рисунок пробудил некие воспоминания. Он приказал себе вспомнить и стал слушать кунса, перестав думать об удивившем его, и, как обычно бывало, очень скоро воспоминание само толкнулось из глубины. Перед умственным взором возник весьма сходный рисунок на песке и длинный палец Тилорна, указывающий на один из загнутых рукавов: «Вот так выглядит со стороны скопление звёздных миров, где нам выпало жить. В нём мириады солнц... Их так много, что они образуют течения и вихри, подобно частицам, увлекаемым бегущей водой. С той только разницей, что это величественное движение, измеряемое веками. Вот здесь находится твоё солнце. А вот моё...»

Подумав о межзвёздных пространствах, Волкодав опять вдруг припомнил чёрную глыбу с её хвостом загустелых воздушных, летящую в пустоте, ту, что привиделась ему, когда он медленно приходил в себя от Шамарганова зелья. Он смотрел на рисунок, сделанный Винитаром, и ему впервые пришло на ум наложить подобную рукавчатую спираль, только очень большую, на карту своего мира. Поместив центр её чуть севернее границ Саккарема. Туда, где тремя мёртвыми клыками высились Самоцветные горы. И рядом с ними мле-

ла Долина, круглая и неестественно тёплая, согретая той болезненной теплотой, какую можно ощутить, если сдуру запустить палец в воспалённую рану...

Как-то легли бы на такую карту известные ему Врата в Беловодье и Велимор, если бы соединить их между собой?..

Палец Винитара воткнулся в самую серединку нарисованной паутины, оставив глубокую вмятину:

– Вот Понор. Мы пройдем мимо и выйдем к морю вот здесь. По крайней мере раньше здесь всегда был проход.

– Тогда надо идти, – сказал Волкодав. – Вряд ли мы выскочим незамеченными, но они ждут подмоги, чтобы обложить нас уже как следует. Вряд ли стоит нам дожидаться, пока ещё охотники подойдут.

Вместо «охотники» он едва не сказал «людоеды». Язык, правду молвить, чесался. Да и Винитара, вполне возможно, уже посетили сходные мысли. О том, что на острове его отца завелись людоеды. Иначе, как насмешкой судьбы, и не назовёшь!.. Причём справедливой насмешкой. Волкодав не стал ничего говорить. Им следовало спастись, а не репы друг другу в шкуры метать.

Винитар не стал его спрашивать, откуда он знал, что охотники выжидают. Поверил – и всё. Кивнув, он развернулся на корточках (ибо только так и можно было угнездиться под кровом каменного «шалаша») и гибким движением, не распрямляясь, выметнулся вон, достигнув следующего валуна. Он волей-неволей должен был идти первым, показывая до-

рогу. Мыш, сидевший на плече у Волкодава, на всякий случай сорвался вдогонку. При этом он играючи, даже с ленцой, увернулся от камешка, прилетевшего из чьей-то пращи и весьма опоздавшего попасть в Винитара. Вероятно, для Мыша полёт камня выглядел медленным и не казался опасным. Люди, увы, не были одарены подобной стремительностью чувств. Они невольно отшатнулись, когда камешек размером с дикое яблочко звонко цокнул в скальный гранит и раскололся, оставив беловатую звезду на месте удара. В тело попадёт, небось мало не будет... Шамарган даже буркнул чуть слышно, вероятно живо представив, как это произойдёт. Волкодав про себя оценил быстроту выстрела и подумал, что Шамаргану придётся туго, ведь появления следующего прыгуна будут ждать. Да ещё нога...

– Сможешь так? – спросил он лицедея, кивнув в сторону выхода.

Шамарган сперва молча кивнул, потом попробовал пройтись на корточках, как Винитар, и сейчас же, охнув, свалился. Камень, пущенный убить, ударил вскользь и не сломал ему ногу, помяв только мышцы и, должно быть, оставив над коленом здоровенный синяк. В горячке погони лицедей сумел подняться и довольно быстро бежать, но за время передышки нога распухла так, что стала тесной штанина. В ней билась тупая боль, невыносимо взорвавшаяся от движения. Всё же Шамарган опять приподнялся, перевалившись с колен на пятки. Он понимал, что речь шла не об испытании му-

жества, а о жизни и смерти. Стоило вспомнить улыбки облизывавшихся людоедов, и боль сразу становилась терпимой. Тем не менее лицо у него побелело так, что было видно даже сквозь грязь. В таких случаях говорят – как мука, и всем это понятно, хотя мука у каждого народа своя. Если иметь в виду ржаную, как Волкодав, зрелище применительно к человеку получалось малоприятное. Этакая синюшная сероватость. Оставаясь на корточках, Шамарган сделал шажок. Потом ещё.

– Двадцать лет, – сказал он Волкодаву. – Всего двадцать лет!.. Отцы, может, даже грамотные кое-кто был... Одно поколение... Почему?

– Давай мешок, – сказал Волкодав.

Шамарган обречённо посмотрел на него снизу вверх. Так, словно Волкодав, в котором он уже по привычке видеть товарища по несчастью и даже защитника, вдруг вознамерился покинуть его на верную смерть. Венн не удивился. У Шамаргана забирали мешок, и ему казалось, что у него отнимали последнюю защиту от камней. А если бы ему оставили поклажу, он решил бы, что его приговорили погибнуть под её тяжестью, отнимающей быстроту движений. Всё правильно.

– Они ждут следующего, – просовывая руки в плетёные лямки, сказал Волкодав. – Пойду я, потому что в меня им не попасть. Прыгай сразу, как только камни ударят, пока они не перезарядили пращи.

Его прыжок в самом деле сопровождал град визжащих кам-

ней, от которого Шамарган вряд ли увернулся бы даже без мешка и со здоровой ногой, а уж в нынешнем своём состоянии, да нагруженный, – и подавно. Один булыжник прошёл у Волкодава по волосам, другой глухо впечатался в многострадальную кожу мешка. По счастью, тот был исключительно прочным, хорошей работы, – изделие мастера Вароха, обитавшего теперь в Беловодье. Закатная пора жизни мастера выдалась очень счастливой – он жил среди друзей, радовался взрослению славного внука, – и, должно быть, поэтому творения его рук неизменно приносили удачу. Что ножны для Солнечного Пламени, что вот этот мешок... Волкодав влетел за валун, где ждал его Винитар, и оглянулся, и почти сразу ему под ноги кубарем вкатился Шамарган. Лицедей прокусил губу от боли, страха и непомерного усилия, к которому пришлось принудить все мышцы, больная нога скорее напоминала не часть тела, а отдельное, живущее своей жизнью существо, но всё же он в точности выполнил замысел Волкодава и теперь силился отдышаться, понимая только, что жив. За ним, снаружи, вновь зло провизжали камни, не нашедшие добычи, и, щёлкая, заскакали, отлетая от каменных углов и постепенно успокаиваясь.

– Дальше во-он туда, – показал рукой Винитар.

Он ничего не прибавил в том духе, что, мол, ещё две-три перебежки – и всё, мы в безопасности. Словами о безопасности утешают мирных людей, для которых переделка вроде теперешней – испытание за гранью мыслимого. Позже, остав-

шись в живых, они, может быть, с удовольствием припомнят пережитое и даже похващаются, но пока это – дурной сон, от которого хочется пробудиться как можно скорее. А не пробудиться, так хоть уцепиться за кого-то более сильно-го и поверить, что он непременно вытащит тебя и спасёт. Да ещё загодя уверит, что будет всё хорошо. Воина не требуется утешать. Воин хочет знать правду. Даже если она состоит в том, что враг, вполне вероятно, лучше знает ходы-выходы обледенелых ущелий, а значит, впереди, там, куда они с таким трудом прорываются, вместо спасения может ждать засада. Подоспевшая подмога, на которую, по словам Волкодава, уповали охотники. Засада и камни, летящие прямо в лоб из-за той самой скалы, за которой ты чаял укрыться...

Шамарган воином не был. Но, чего-то ради увязавшись за ними, вздумал быть среди воинов равным. Вместо этого, как и следовало ожидать, уже стал обузой и сам это понял. Значит, пускай боится и терпит. Назвался груздем – полезай в кузов. Взялся за гуж – не говори, что не дюж...

К следующему валуну они рванулись все трое одновременно. Винитар и Волкодав подхватили под руки Шамаргана и почти перенесли его под прикрытия утёса. Новую перебежку осуществили ещё хитрее. Винитар кинулся в одном направлении, а Волкодав с Шамарганом мгновение спустя – в другом, куда и было им нужно. Потом кунс к ним присоединился, потирая ушибленное плечо. Ушибленное не камнем из пращи, а об землю – пришлось броситься «рыбкой»,

не очень глядя вперёд. Дальше отвлекать взялся Волкодав. До отказа пустив в ход своё чутьё, он выскочил на открытое место, потом сделал вид, будто испугался, а может, не рассчитал сил – и заметался, пытаясь вернуться назад. Но заметался не просто так, а в отчётливом соответствии с намерениями обрадованных людоедов. В крепости у Хономера он каждый день упражнял и оттачивал своё восприятие, но чуточку поотвык от настоящей опасности и от того, как она обостряет все чувства. Теперь ему казалось, что раньше он очень неуклюже уворачивался от стрел и отбивал их мечом. Он почти уподобился Мышу, легко ускользавшему от летящих камней. Снаряды из пращей, вертясь, проносились там, где он был мгновение назад... Винитар с Шамарганом успели уйти далеко, он достиг валуна, из-за которого выскочил, и разыскал своих спутников по следам.

– Ты... танцевал, – сказал ему Шамарган. Глаза у него были круглые. Волкодав про себя отметил, что лицедей стал двигаться проворней и легче. Кажется, жестоко ушибленная нога у него «расходилась» мало-помалу. Так бывает, когда тело своим нутряным знанием осознаёт, что спокойно отлежаться ему всё равно не дадут, – надо работать, и оно, хочешь не хочешь, работает. Да и разгоняет при этом вцепившуюся было немощь.

Вновь настала очередь Винитара, и Волкодав сперва усмотрел в его действиях некое соперничество с собой. Потом, правда, он понял, что ошибался. Молодой кунс вско-

чил на обломок скалы и торжествующе закричал, привлекая внимание. Мигом полетели камни – чего-чего, а этого добра здесь было в избытке, нынешние охотники на людей были не из тех, у кого могут в одночасье кончиться стрелы. Винитар вращал меч, уберегая ноги увёртками и прыжками. Танцевать на виду у врага он умел уж всяко не хуже, чем венн. Удирая вместе с Шамарганом, Волкодав краем глаза проследил за его пляской, и у него даже ёкнуло сердце. Нет, этот танец весьма мало напоминал пляску обречённого на качающейся, готовой опрокинуться глыбе... и всё же подобное зрелище, да под сенью трёх склонившихся гор в розовом вечно-закатном снегу ну никак не могло быть случайным. Волкодав за руку втащил Шамаргана за скалу, указанную Винитаром. Сегванский вождь появился спустя считанные мгновения и досадливо бросил наземь измочаленные остатки меча.

– Я дурак, – сказал он. И пояснил: – Ты обманул их, а я посмеялся над ними, и они это поняли.

Волкодав сперва решил промолчать, ибо не видел толку размазывать нечто такое, что и так споров не вызывает. Но потом всё же сказал:

– Ты кунс. Ты с честными врагами биться привык...

И вовремя закрыл рот, уберёгшись добавить: «...не как я – со всякими людоедами...»

Самое смешное, что глупость, сотворённая Винитаром, пошла беглецам даже на пользу. Деревяшка, исковерканная

несчётными ударами камней, ни на что уже не годилась, и дальше её не потащили – оставили лежать на земле. Волкодав лишь коснулся её на прощание ладонью, потому что это было изделие его рук. И ещё потому, что это был всё-таки меч, служивший до конца и погибший, как подобало мечу. Впрочем, весьма скоро выяснилось, что самую последнюю службу меч при расставании с ним только ещё готовился сослужить. Очередной раз устремившись вперёд, трое с удивлением обнаружили, что камней в них почему-то не мечут, зато сзади громко раздаются вопли и визг зверей, схватившихся над некоей очень ценной находкой. Беглецы не стали тратить время на размышления, что бы это могло означать, – просто кинулись дальше, предводительствуемые Винитаром. Так совпало, что, завернув за очередной обломок скалы, сегван сразу повёл их сквозь неширокую трещину. Лаз оказался до крайности неудобным, наполовину засыпанным галькой, перемешанной с грязью, одолевать его пришлось на четвереньках, а где и ползком, увязая и скользя. Однако потом отвесные стены раздвинулись, и глазам предстало узкое, равномерно изгибавшееся – точь-в-точь как на рисунке Винитара – ущелье. Его дно покрывала вода. Сотни ручьёв сбегали по склонам и просто падали вниз, дробясь на лету. Их питали близкие ледники, громоздившиеся наверху. Должно быть, ущелье не превратилось в озеро только оттого, что где-то был сток. Волкодав огляделся, в который раз пробуя представить себе, как всё здесь выглядело в прежние дни

– зелёный мох, папоротник, роскошный от постоянных водяных капель, цепкий шиповник, заполонивший солнечные места... Да, здесь было очень красиво. Теперь Волкодав никакой красоты кругом не усматривал, потому что, по его глубокому убеждению, её нипочём не могло быть там, откуда ушла жизнь.

– Дерево, – вдруг сказал Винитар. – У них совсем нет дерева, но они не забыли, что это такое. И грызутся над щепками, как другие над золотым кладом.

Они не стали даже пытаться заметить след, ибо это было всё равно бесполезно, и двинулись вперёд по колено в воде. Шли настолько быстро, насколько могли, – ещё и потому, что вода, заливавшаяся в сапоги, была без преувеличения ледяной. Станешь мешкать, и можно дожидаться, что ноги онемеют и перестанут работать. Вода была мутная, в ней приходилось ощупью нашаривать крупные камни, да и те далеко не всегда оказывались надёжной опорой. Плавный изгиб ущелья не давал видеть, куда они, собственно, идут. Оставалось лишь верить, что где-то там был поперечный проход, которым Винитар выбирался некогда к морю...

– Может, ещё что-нибудь оставим? – тяжело дыша, спросил Шамарган. – Такое, чтобы их отвлекло?..

– Тебя, например, – хмыкнул Винитар. – Вот уж это их надолго задержит. Да и тебе поделом встало бы...

Для него лицедей был прежде всего предателем, человеком без чести, который не погнушался отравить гостя. Но и у

Шамаргана была, видно, какая-то своя правда. Либо просто зачесался язык, по обыкновению то доводивший лицедея до беды, то выручавший.

— А может, сам с ними останешься? — осведомился он мрачно. — Ты же им вроде родственника. По отцу...

Молодой кунс окаменел лицом и повернулся к нему. Но ничего не сделал — не понадобилось. Волкодав стоял ближе. Увесистая затрещина сбила Шамаргана с ног и заставила с головой окунуться в воду. *Дожил*, отстранённо, в полном изумлении сказал себе венн. *Уже за Людоеда вроде как заступаюсь...* То есть заступался-то он, конечно, не за Людоеда, а скорее за Шамаргана, ибо Винитар скорее всего оплеухой не ограничился бы, но как всё это выглядело со стороны?.. Лицедей вынырнул, отплёвываясь, и ещё побарахтался, заново нащупывая под ногами опору и, конечно, стучаясь больным местом обо всё подряд. Винитар за это время успел уйти вперёд. Волкодав приотстал от него, но ненамного. Шамарган оглянулся и увидел человекоядцев, как раз показавшихся из расселины позади. Его опять поразило, какие они одинаковые, низкорослые и мохнатые. Хорошо было то, что здесь, в ущелье, им не так-то легко удавалось пополнять запас камней для метания, и они не спешили пускать в ход пращи. Плохо было то, что, разглядев беглецов, они торжествующе закричали — так, словно сумели наконец загнать дичь в тупик, из которого ей уже не вырваться.

Лучше не думать о том, что означал этот крик...

Взмахивая руками и поднимая брызги, Шамарган заторопился следом за сегваном и венном.

В срединном Шо-Ситайне солнце ныряло за небоскат куда круче, чем на родине сегванского племени. Над плоскогорьем Алайдор, хоть оно и было расположено куда западнее острова Закатных Вершин, сгущалась чёрная ночь.

Именно чёрная. Ничего общего с установившейся было светлой благодатью красного лета. Чёрная, ветреная и отменно холодная... Ветреная – сказано плохо. Назвать эту ночь просто ветреной было всё равно что матёрого мономатанского тигра спутать с домашним котёнком. Бурная?.. Штормовая?.. Тоже не особенно хорошо. Вот только справедливое слово для происходившего у Ворот Алайдора очень трудно было найти.

Во всяком случае, Хономеру это так и не удалось.

Он, воздержанный жрец, до дна исчерпал весь запас известных ему проклятий и богохульств, причём на нескольких языках и относившихся к весьма разным верам. Однако достойного поношения погоде так и не подобрал.

Как обычно бывает в большой горной стране, возвышенное плато отъединяла от равнин скалистая пограничная гряда. Со стороны Алайдора она представляла невысокой цепью иззубренных холмов, но при взгляде снизу нападала невольная оторопь: что же за горы там, впереди, если даже самый первый хребет, всего лишь обозначивший этакий порог,

первый подступ к Заоблачному кряжу, выглядит полностью неприступным?..

Она и была почти неприступной, эта безымянная гряда. Уж во всяком случае для каравана. Лошади даже привычных местных пород, нагруженные выюками, – всё-таки не горные козы. Отродья знаменитых скакунов Шо-Ситайна, поколениями воспитывавшиеся в горах, умели одолевать кручи, непосильные для стремительных равнинных коней... но не отвесные же обрывы. Поэтому караваны пользовались несколькими давным-давно разведанными и обустроенными дорогами. Дороги взбирались по нелёгкой, но всё-таки приемлемой крутизне до проходов между гребнями, неизменно называвшихся Воротами. Были Красные, Чёрные, Белые – по цвету утёсов, под сенью которых проезжал путник, – и даже Зимние, именуемые так за то, что, во-первых, находились на северном склоне, а во-вторых, неизменно оставались проходимыми с осени до весны.

Как раз Зимних Ворот и пытался достичь караван Хономера. Если ехать из Тин-Вилены, этот проход не был ближайшим, но зато самым удобным для тех, кто держал путь в Долину Звонящих ручьёв.

Люди и лошади благополучно пересекли всхолмленную степную равнину и поднялись, уже сражаясь с ненастьем, почти до самого верха. Дождь, постепенно превратившийся в мокрый снег, не остановил опытных поезжан, но порядком-таки задержал их. Вместо середины дня караван подо-

брался к Воротам лишь в густых сумерках.

И... не смог их пройти.

Вот это была очень неприятная неожиданность.

Отнюдь не темнота была ей виной. Ничего столь опасно-го, чтобы не одолеть ночью, в Зимних Воротах не было. Самый обычный проход между двух каменных стен, вытесанных отчасти природой, отчасти руками людей. Проход довольно длинный и почти совершенно прямой. Избранный Ученик не раз здесь бывал, а уж Ригномер, без преувеличения, изучил в Воротах каждый булыжник: торгуя с итигулами, Бойцовый Петух одолевал пограничный хребет в любое время года и суток.

Но ещё ни разу на его памяти Ворота не превращались в завывающую трубу, из которой не дул – бил с силой тарана сокрушительный ветер!..

Собственно, кое-что можно было предугадать ещё внизу, когда они увидели, что из Ворот, словно из дымохода, выползает плотное облако и длинным хвостом плывёт над степями, кропя их не слишком обычным в это время года дождём.

Подумаешь, дождь? Бывалые путешественники лишь заходя отвязали от сёдел свёрнутые плащи и приготовились выносить неизбежные тяготы дальнего пути по горам.

Но то, что ожидало их наверху, многократно превосходило все их приготовления, не говоря уже о способности что-либо одолевать и терпеть.

На ближних подступах к Воротам ветер валил с ног и отрывал от земли, безжалостно вышвыривая сунувшегося человека. Даже такого полнотелого и сильного, как Ригномер. Против ветра невозможно было ни дышать, ни смотреть. Что до лошадей, они просто отказывались выходить их относительного затишья последнего колена дороги перед Воротами. Предприняв несколько безуспешных попыток выгнать их оттуда или вытащить под уздцы, Хономер решил дождаться затишья. «Редкий ветер дует и дует с равной силой без отдыха, – сказал он себе. – Должно быть, мы угодили в порыв, но ведь когда-то он кончится!»

Спустя некоторое время, основательно продрогнув и мысленно исчерпав запас сквернословия, он понял, что ошибся. Напрасно он говорил себе, дескать, преддверие Заоблачного края совсем не то, что бескрайняя морская равнина, ветры здесь долго не живут, – скоро рождаются и так же скоро, отбушевав, умирают... Нынешний вихрь то ли издевался над ним, то ли просто никогда не слышал рассуждений о природе горных ветров. Из Ворот всё так же летел, клубясь и кувыряясь, плотный туман пополам с хлопьями снега, а вместе со снегом – тучи песка и даже мелких камней. Когда окончательно иссякла надежда захватить последний свет дня, Хономер сказал себе, что утро вечера мудреней, и распорядился устроить ночлег.

Может, даже не просто ночлег, а стоянку на несколько дней. Вечно дуть этот ветер всяко не будет. Припасов же бы-

ло в достатке, в том числе корма для лошадей...

Походники принялись воздвигать решётчатые деревянные остовы палаток, сцеплять их и связывать между собой, натягивать сверху кожи и плотные войлоки. Против всякого обыкновения, дело ладилось с величайшим трудом. Решётки выskalзывали из рук, надёжные узлы распускались сами собой, верёвки падали в снежную жижу и сразу пропадали бесследно, пёстрые войлоки подхватывали и тащили к обрыву порывы ветра, неведомо как обтекавшие вроде бы надёжный скальный заслон... Нет, нынешняя буря определённо была живым существом! Живым, почти всемогущим и очень недоброжелательным!.. К тому же снег, вначале мокрый и липкий, постепенно прекратил таять и обернулся тучами стрел, грозивших проткнуть насквозь всё, что оказывалось на пути. Холод, который в тихую погоду называли бы заморозком, будучи помножен на ярость ветра, превратился в настоящий мороз. Пропитанные сыростью плащи неотвратимо заледенели, сделались ломкими, застывшая слякоть на дороге стала опасной, и завтрашнее солнце, если даже проглянет, вовсе не обещало непременно уничтожить ледок... Ригномер Бойцовый Петух поймал себя на нечаянном беспокойстве: «Как же спускаться-то будем?» – и тут только понял, что, оказывается, допустил мысль о бесславном возвращении вниз. Мысль не только лишнюю, но попросту вредоносную! Хорошо ещё, не довелось выболтнуть её в присутствии Хономера!.. Бывший торговец невольно представил,

каких ласковых наговорил бы ему Избранный Ученик, даже без того, кажется, склонный винить его в сегодняшней неудаче, — и зябко поёжился...

Что надлежало до Хономера, то он в сердцах отправился спать, не дождавшись, пока разведут костёр и сварят горячую кашу, и теперь понимал, что снова сделал ошибку. Его палатка, многократно испытанная самыми лютыми непогодами, была очень надёжным убежищем. Ни разу прежде она не подводила его, никогда он в ней не мучился ни от сырости, ни от мороза. И что же? Огонь, затепленный было внутри, очень скоро пришлось погасить, ибо ветер, властвовавший вовне, буквально вколачивал дым обратно в отверстие свода — и плевать хотел на хитроумные клапаны, предназначенные обеспечивать его истечение. Оставалось либо задыхаться, либо сидеть без огня. Хономер выбрал второе, благо давно привык обходиться без удобств, казавшихся кому-то другому жизненно необходимыми. Кроме того, у него было с собой одеяло из нежной шёрстки тех самых козлов, что почёсывали шеи о кусты и камни на заоблачных кручах, даруя мастерицам-горянкам несравненную кудель для прядения. Страшно вспомнить, сколько денег отдал за него Хономер, но с тех пор он успел трижды благословить каждый грошик, выложенный за покупку. Завернувшись в это одеяло, можно было спать нагишом на зимнем снегу, как возле печи. Хономер лёг, закутался и пожелал себе скорейшего наступления утра, уверенно зная, что мгновенно согреется и

уснёт...

Как бы не так.

Ледяные токи проникали сквозь чудесное одеяло с такой лёгкостью, словно Хономер укрылся дырявым рядном.³ И палатка казалась ему набранной не из непроницаемых, но вряд ли проткнёт, войлоков, а из ветхих рогож, бессильных составить хоть какую-то преграду для ветра. Сквозняки сочились со всех сторон, опутывали ноги, подползали под спину, трогали волосы...

Хономер скрипел зубами и даже не вертелся с боку на бок, чтобы не растратить скудные крохи тепла, кое-как сохранявшиеся у тела, и только говорил себе, что это когда-нибудь кончится, что это не навсегда. Крепко заснуть ему, конечно, не удавалось – так, забывался едва-едва, тревожно и будко, чтобы почти сразу, вздрогнув, проснуться. Либо от очередной жалобы озябшего тела, либо оттого, что очень уж скверные посещали его сны... Не возвышающие сновидения, наводящие на мысль о божественном прикосновении, и даже не забавные, к которым приятно вернуться памятью после пробуждения, а сплошной морок и бред. Да и откуда бы, если подумать, здесь взяться снам хорошим и светлым? Несколько раз жрецу виделся ветер, воплощённый почему-то в облике женщины, стоявшей посреди Ворот, и эта женщина невыносимо влекуще и жутко звала его по имени: «Хономер...

³ *Рядно* – грубый холст с редким переплетением нитей (отсюда название, произносимое также «редно»), употреблявшийся на мешки и подстилки.

Где ты, Хономер...»

И притяжение, и ужас были родом из детства. Так звала его мать, когда он, по глупости или по дерзости набедокурив, силился затаиться и тем самым избежать наказания: авось всё минует и взрослые не догадаются, — но мать, конечно, сразу понимала, в чём дело, и звала его, чтобы спросить ответа, и было одинаково невозможно и вылезти из ухоронки, и не подчиниться зову. «Хономер, где ты, Хономер? Ты провинился...»

...А на острове Закатных Вершин время суток было невозможно определить ни по положению солнца, ни по перемещению теней. Небосвод так и оставался затянут тысячеслойными облаками, розовый свет лился со всех сторон поровну, теней не было вовсе. И только звериное чутьё, позволявшее Волкодаву даже под землёй отмечать течение времени, говорило ему, что на самом деле была уже глубокая ночь.

Ущелье, лишённое скрадывающих одежд мха и пышных кустарников, являло себя как бы и не ущельем вовсе, а неестественно ровной трещиной, пробитой не то прорубленной в плоти земли. Столь нечеловечески ровным и гладким бывает порою скол ледяной горы, плывущей по морю. Здесь никогда не было потоков воды, способной прихотливо обтесать камень, всё оставалось так, как во времена Великой Ночи, наградившей земной мир многими очень странными шрамами. А может, Великая Ночь некоторым образом вер-

нулась сюда вместе с великанами льда? Или вовсе не покидала эти места, притаившись в вечном мраке Понора?.. Волкодав видел, как хмуро озирался кунс Винитар, так и этак оглядывая голый череп родного острова. Легко ли, созерцая мёртвые кости, вызывать в памяти черты некогда любимого облика?..

Остров Закатных Вершин, населённый одичавшими пожирателями человечины, ныне был не более чем трупом бывшей родины Винитара, суровой, величественной и прекрасной. Зря он потревожил давно отлетевшие тени, явившись сюда. Жизнь мёртвых пусть продолжает душа и её отражение в памяти, а не бранные останки, которым место в могиле.

Должно быть, Винитар чувствовал себя как человек, опоздавший на похороны и раскопавший могилу в отчаянной надежде проститься. Поднял крышку гроба и...

...Стены ущелья, плавно изгибавшиеся влево, испытали резкий излом. Незапамятно давнее напряжение достигло здесь особенной силы, сокрушив камень поперечной расщелиной.

Когда-то юный сын кунса ставил здесь ловчие петли на зайцев, чтобы затем с торжеством относить добычу бабушке Ангран и требовать жаркого с луком и чесноком. Теперь сверху над расщелиной нависал передний край ледника, придвинувшегося с северной стороны. Ледник ещё не перешагнул её, но ждать этого оставалось недолго. Молочно-голубые глыбы, траченные дождём, солнцем и собственной тяжестью,

в розовом свете вечной зари напомнили Волкодаву опалы подземных копей, таившие в дымчатой глубине алые и синеватые блики. Ни вид ледника, ни воспоминание об опалах никакой радости ему не доставили. В Самоцветных горах, после нескольких кровавых несчастий, ставших известными всему руднику, опалы уверенно считали камнями недобрыми, сулящими скорую гибель.

И справедливо.

Стоило один раз посмотреть на обломки величиной с дом, громоздившиеся и медленно таявшие в расселине, и сразу делалось ясно: к морю там не пройти. Карабкаться в полную неизвестность по гладкому льду, то и дело опасно оскальзываясь и переставая чувствовать руки и ноги, – и всё это затем, чтобы вскорости сбросил вниз меткий камень из пращи?..

Винитар, расплёскивая воду, прошагал мимо прохода, едва в ту сторону посмотрев. Волкодав не стал ни о чём его спрашивать. И так всё было понятно.

Шамарган держался за бедро и заметно приволакивал ногу: подшибленные мышцы порывались не слушаться. Иногда, оглядываясь, Волкодав успевал заметить, как он поспешно стирал с лица гримасу боли. Он то и дело отставал, но тут уж, сделав усилие, поравнялся с двумя воинами. И жизнерадостно спросил:

– Ну? Куда мы теперь?

Винитар промолчал, поскольку ответ был очевиден, а Волкодав подумал о том, что погоня, сопящая за спиной, уже

не впервые вынуждает его очертя голову устремляться в места заповедные и, по всеобщему мнению, гибельные. И что же? Злые либо просто неисповедимые силы, поджидавшие впереди, до сих пор неизменно оказывались милосердной со-
братьев по роду людскому, мчавшихся по следам...

Он не стал говорить об этом вслух, чтобы не искушать своих спутников тенью ложной, быть может, надежды. Будь что будет — назад уже всяко не повернуть...

— Вдова купила баклажан... — неожиданно запел, а вернее, во всё горло заорал лицедей.

Вдова купила баклажан,
Домой к обеду принесла,
Но занести над ним ножа
На кухне так и не смогла.

Тут надо, братцы, вам сказать,
Что муж молоденькой вдовы,
Пока ложился с ней в кровать,
Был полным мерином, увы...

Волкодав и Винитар переглянулись — и одновременно принялись подпевать.

Жила она в большой тоске,
А схоронила муженька —
И славный овощ на доске
Не поднялась крошить рука.

Уж так он ладен и хорош,
Изогнут чуть, продолговат
И твёрд в руках, когда возьмёшь,
И цветом – форменный агат!

Людоеды, осторожно высунувшиеся из-за поворота ущелья, даже ненадолго приостановились, вслушиваясь в странную песню обречённой «добычи» и силясь что-то понять. Слова уже не имели для них смысла, но было ясно, что «дичь» весьма далека от смятения и испуга. Это беспокоило. Однако потом погоня двинулась дальше.

Не тощ, не вял, не жив едва,
А в самом теле и в поре!
Губами тянется вдова
К его ядрёной коже...

Горькие зелья себе проливая на платье,
Злобу ничтожных людей принимая без стоны,
Старый волшебник трудился над неким заклятьем,
Тысячу лет посвятив разысканьям учёным.

Всем пренебрёг в этой жизни мудрец одинокий,
Дружбу забыл и любовь, отказался от славы,
Лишь бы почувствовать в жилах чудесные токи
И укрощённую формулу миру оставить.

Брошенный всеми, торил он дорогу во мраке,
До бесконечности пробовал так и иначе...
...И наконец начертил вожаденные знаки,
В день завершения трудов ожидая удачи.

И... ничего! Перед ним – ни огня, ни движенья,
Ни очертаний в дыму благовонном и зыбком...
Вот и пришлось ощутить ему вкус поражения.
Хуже: он понял, что вышла не просто ошибка.

Так и должно было быть! Он преследовал тени.
Больше себе не откажешь в признании честном:
Весь его путь вдохновенных трудов и лишений
Был обречённым полётом в бесплодную бездну.

Что же теперь? Понапрасну истрачены силы,
Целая жизнь, посвящённая тайне заклатья.
Сколько ещё отделяет его от могилы?..
Долго он плакал. А после... вернулся к занятиям.

Много ли, мало ли дней впереди остаётся,
Может быть, снова в тупик заведёт его опыт...
Разницы нет старику. Он над формулой бьётся
И под ретортой очаг потихонечку топит.

2. На ясный огонь

В эту ночь Хономеру так толком и не удалось вкусить отдыха. Он мёрз и, словно по чьей-то злой воле, всё время видел очень скверные сны. Под утро, однако, ему показалось, что ветер, свирепствовавший снаружи, начал стихать.

Утро – понятие у каждого человека своё. Кто-то спит до обеда и потом говорит «с добрым утром», хотя другие поминуют уже чуть ли не вечер, кто-то, напротив, вскакивает с первым лучом и вообще не нуждается в длительном сне. Хономер был как раз из этих последних. Кусочек неба между клапанами палатки едва начал смутно сереть, когда Избранный Ученик решил прекратить тщетные попытки согреться под одеялом. Вставай и трудись – вот лучшее средство! Никогда прежде оно не подводило его.

И Хономер спустил руку с походной лежанки – узкой складной кровати из твёрдого и лёгкого дерева, – думая нащупать рядом с собой на полу кое-какие походные мелочи...

Заря ещё не давала сколько-нибудь заметного света, внутри палатки было темно, словно у кита в брюхе, и поэтому первая мысль Хомера была о светильничке.

Это был весьма особый светильничек. Подобные ему стоили немалых денег и высоко ценились среди путешественников. Его называли «самопалом», за то, что он не требовал отдельного добывания огня. Простое нажатие пальца прово-

рачивало стальное колёсико. Оно соприкасалось с кусочком кремня и порождало густой рой искр, слетавших на пропитанный фитилёк. Ко всему прочему, светильничек был не из глины и не из обжигающего руки металла, а из прозрачного стекла замечательной варки. Оно не боялось ни огня, ни падений на камни. Единственным недостатком «самопала» было, пожалуй, то, что заправлять его следовало не маслом, а очень крепким вином, лучше даже извинью,⁴ которая получается при перегонке. Это оттого, что масло от искр вспыхивало не всякое и не всегда. Извинь в путешествии, бывает, не всюду достанешь, – приходилось везти с собой некоторый запас, да и пламенела она не привычным тёпло-жёлтым огнём, а синеватым. Но велика ли беда? Полезные свойства светильничка искупали его недостаток с лихвой.

Хономер купил дивное устройство за морем, в городе Галираде. Галирад, столица достаточно дикой, по сравнению с той же Аррантиадой, державы, за последние годы сделался знаменит такими вот ремесленными диковинами, при виде коих мастера других стран только разводили руками: как же вышло, мол, что я сам не додумался?..

Хономер приобрёл светильничек в последнее своё посещение Галирада. Заинтересованные (и очень умелые) расспросы Избранного Ученика вознаградили его лишь смутным упоминанием о каком-то премудром учителе, посетив-

⁴ *Извинь* – безводный спирт, алкоголь, букв. «то, что получается из вина» (натурального, брожёного) после перегонки.

шем Галирад лет этак семь тому назад.

«Сколько же всего изобрёл этот учитель? – недоверчиво спросил Хономер. – Не многовато ли знаний для одного смертного человека?»

Стекловар Остей отряхнул руки о кожаный передник:

«Ему не понадобилось изобретать всё. Я услышал от него только о колёсике и кремне, а остальное додумал позже. И до горячего вина сам дошёл. Учитель направил мою мысль и подтолкнул её, придав движение, и она стала нащупывать дорогу дальше. Ты ведь жрец, почтенный, ты лучше меня должен знать, как это бывает!»

Хономер при этих словах, помнится, немедля задумался, откуда могла проистекать подобная изобретательность – от Блинецов или, наоборот, оттуда, куда не достигал Их божественный свет... Но светильник купил.

Вот за какой вещицей, воистину удивительной и незамеченной в дальнем пути, потянулся толком не проснувшийся Избранный Ученик, когда его рука, опустившись лишь чуть ниже бортика раскладного деревянного ложа, оказалась...

...В воде!!!

В ледяной, чёрной, неспешно и беззвучно перетекавшей воде!..

Тут уже липкие клочья дремоты, опутавшие разум Хомера, разлетелись сразу и без остатка. От неожиданности и испуга молодой жрец резко сел и зачем-то спустил с ложа ноги... Естественно, чтобы сразу вымочить их почти по ко-

лено. В первый миг талая вода показалась ему крутым кипятком. Хономер тотчас отдёргнул и поджал ступни, но с них потекло на подстилку и одеяло, ещё остававшиеся сухими. Хономер тряхнул головой, уже окончательно возвращаясь к реальности, и подумал о том, что где-то здесь, медленно кружа в черноте, не иначе как плавали по палатке и его сапоги, и вся верхняя одежда, и кожаный короб с книгами, которые он счёл необходимым взять с собой в путь... Или, может, уже и не плавали, а, намокнув, тихо погрузились на дно... то есть на пол...

Тогда-то Хономер вспомнил скверные сны, изводившие его ночью, и его в самый первый раз посетила мысль о могущественной и недоброжелательной Силе, надумавшей воспрепятствовать благочестивому путешествию. Мысль была тревожной, неожиданной и неприятной. И, пожалуй, даже кощунственной. Он привык считать, что служит сильным Богам. Вероятно, сильнейшим в этой Вселенной. И он вовсе не ждал, чтобы Кто-то дерзнул вот так, совершенно в открытую, противостоять Им... так неужели?.. Неужели на Их Радетеля всё-таки Некто восстал – и, судя по всему, преуспел, хотя бы и временно?..

Хономер бесповоротно погнал прочь этот помысел, способный поколебать веру более слабого человека, и решительным, на сей раз вполне осознанным движением спустил ноги в воду. Сильным Богам нужны сильные служители. Сильные и непреклонные. Они посылают Своим верным испыта-

ния вроде теперешнего, дабы выбрать достойных, а от прочих отвортить Свой благословляющий взор...

Голени стали быстро неметь. Не ступни, а почему-то именно голени. Избранный Ученик стащил с ложа полусухое одеяло, завернулся в него, как в плащ, и по памяти устремился к выходу из палатки. Оттуда понемногу уже начали невнятно доноситься обеспокоенные голоса. Ещё не хватало, чтобы его нашли здесь, точно мокрую курицу, ожидающую на насесте избавления от нечаянного половодья!..

Снаружи, как он и предвидел, оказалось много светлей, чем под войлочно-кожаным кровом. В мутном предутреннем свете лагерь являл собой очень неприглядное зрелище. Скалы, ограждавшие от ветра выбранную для ночлега площадку, образовали нечто вроде природной запруды. Так вот, на всём её пространстве разлилась невероятная лужа, а вернее сказать, целое мелководное озеро. Шатры, поставленные вчера на мокрых, но ни оползнем, ни потопом не грозивших камнях, торчали из воды, словно одинокие острова, а от весело горевших костров остались лишь покосившиеся рогульки для котлов. Рябь, гулявшая под порывами ветра, смывала с выпуклых днищ.

Одни лошади да вьючные мулы не ведали забот и хлопот. Все они собрались в единственном закоулке, куда не добралось наводнение, и терпеливо стояли, сбившись в кучку и повернувшись крупами к Воротам. Они знали, что напасть не продлится вечно. Ветер раздувал им хвосты и подбрасывал

вал на мордах опустевшие торбы, в которые с вечера был заботливо насыпан овёс.

Хономер зачем-то оглянулся на свою палатку и увидел, как из входного отверстия, неторопливо и словно бы насмешливо покачиваясь, выплывают его сапоги. Он схватил их и стал поспешно натягивать, потому что даже ему, закалённому Радетелю, оставаться босиком сделалось уже вовсе невыносимо. Сапоги были, конечно, мокрыми, но плотная кожа давала надежду хотя бы согреть возле ног попавшую внутрь воду и не позволять ей перемешиваться с совершенно ледяной, плескавшей кругом.

С другого конца лагеря, гоня ногами волну, навстречу Избранному Ученику уже пробирался вброд Ригномер. Такой же растрёпанный, недовольный и полуодетый. Он сразу начал оправдываться:

– Сколько здесь хожу, никогда ничего подобного не бывало!..

Хономер нетерпеливо отмахнулся:

– Ладно виноватых искать... Пойдём лучше взглянем, откуда на нас такая гибель.

Почему-то он вполне верил Бойцовому Петуху и даже в мыслях не держал порицать его за небрежность. И то сказать, площадку пятнали многократные следы старых кострищ, а камни там и сям были тщательно выровнены под палатки. Люди годами останавливались здесь на ночлег и не знали беды. Отныне те, кто придут позже, будут предупреждены.

Хономер только спросил:

– А сторожа твои что? Проспали?

– Проспали, – мрачно подтвердил Ригномер. – Я обоим уже морды начистил.

Пока они поднимались к Воротам, делалось всё светлее. Вчерашний ветер как будто впрямь устал бушевать. Он не то чтобы окончательно улёгся, но по крайней мере не грозил оторвать неосторожного путника от земли и скинуть с гибельной крутизны. Зато из узкого каменного жёлоба Ворот проворным потоком истекала талая жижа. Вода, перемешанная со снегом и грязью, лилась и лилась, достигая колен, и было понятно, где зародилось предутреннее половодье. Судя по всему, Алайдор вчера накрыло заблудившимся зимним бураном, сугробы, наметённые по тёплой летней земле, очень скоро набрякли, и... только Предвечному и Нерождённому было известно, когда иссякнет устремившаяся к Воротам река.

Хономер прикинул про себя, удастся ли понудить в неё лошадей и, если удастся, смогут ли животные одолеть холодный поток... Хоть он и знал: перед ним испытание, ниспосланное свыше, – ему почему-то очень захотелось опустить руки, а проще говоря – плюнуть и, оставив предпринятое, вернуться в надёжную тин-виленскую крепость. Хватит уже с него разочарования погони за венном. Лезть на рожон новой неудачи?..

– Отправь провинившихся вперёд, – велел он Ригноме-

ру. – Пусть разведают, как там что за Воротами и насколько проходима дорога!

А сам невольно возвёл глаза к угадывавшейся вдали громаде двуглавого Харан Киира, безмолвно вопрошая: «О Братья, прославленные в трёх мирах... За что?..»

У вершины священной горы колыхалась кисея снега, сдутого ветром. Она развевалась, как победное знамя. Возле Престола Небес царил вечный мороз, невыносимый для смертных.

В это время над горизонтом показалось солнце. От двоих сегванов, стоявших в устье Ворот, светило закрывали толстые облака, но великий Харан Киир озарился – и радуга, вспыхнувшая в прозрачном снежном плаще, озарила отражённым светом всю его младшую родню, замершую кругом, и даже относительно низменные предгорья. Лучи, отброшенные вечными ледниками, достигли Алайдора и Зимних Ворот, и вновь возникшие тени на какой-то миг столь замысловато переплелись с прежними, залёгшими ещё с ночи, что перед глазами Хономера мимолётно возникло видение из недавнего сна. Маленькая, но облечённая безмерной властью женщина стояла в Воротах, не касаясь, впрочем, земли и воды, и укоризненно-грозно звала его по имени:

«Хономер... Хономер... Ты провинился, Хономер...»

Нисхождение в Понор не получилось ни праздничным, ни разудалым. То есть запас полупохабных и вовсе непотреб-

ных песенок у Шамаргана оказался воистину неисчерпаемый – нашлись даже такие, которых ни Волкодав, ни Винитар доселе не слышали, – но вот дыхания, чтобы горланить их в посрамление охотникам, очень скоро перестало хватать. Над ущельем, по которому двигались трое беглецов, навис край ледника, длинным языком протянувшегося со стороны гор. Когда впереди замаячил иссечённый трещинами молочно-голубой горб, стало ясно, что ледник уже накрыл Понор и неотвратно двигался дальше, падая в ущелья и заполняя их битыми глыбами, постепенно смерзавшимися воедино уже на новом ложе. Винитар позже говорил – на какой-то миг он даже *испугался*, решив, что Понора им не удастся достичь. С одной стороны, вроде смешно: человек между двух смертей забоялся, что в одной из них ему будет отказано, причём в той, которую он успел вроде присмотреть. А с другой стороны, кому ж хочется, чтобы после смерти его ещё и сожрали?..

Впрочем, Боги родного острова решили всё-таки оградить Винитара от последнего непотребства. Ещё полверсты мучительного пути вдоль медленно изгибавшихся стен – и стало видно чело ледника, перегородившее ущелье. Леднику не лежалось спокойно. Что-то грело его – то ли солнце, оказавшееся способным по-летнему расщедриться даже в здешних местах, то ли пробившееся из неведомых глубин земное тепло. В разукрашенном бурыми земляными полосами челе зияла полуторасаженная арка, открывавшая проход в глубину. Оттуда вытекала не особенно полноводная, но шустрая и чи-

стая речка. Прозрачная вода с шумом вырывалась в мутную гвазду ущелья и добрых пятнадцать шагов была отчётливо в ней видна.

Люди, живущие по соседству с такими местами, строго наказывают детям никогда не соваться под ненадёжные своды, объясняя, что ледяной великан всегда готов захлопнуть жадную пасть, и в особенности если в ней окажется нечто живое. Дети, как водится, слушают, но слушаться и не думают. У тех, кому повезёт, потом подрастает своя ребятня, и всё повторяется. Волкодав шёл вперёд и вспоминал то Самоцветные горы, то путешествие с Эврихом и как они обнаружили во льдах замёрзшего человека. *Пройдут сотни лет – и нас нынешних, чего доброго, точно так же найдут. Вот бы ещё и последней честью не обошли, как мы младшего Близнеца...*

Один за другим беглецы нырнули под арку, удивительно правильно обточенную водой.

– Ветер, – почти сразу сказал Волкодав. – Хорошо.

– Что ж хорошего? – стуча зубами, осведомился Шамарган.

Венн указал рукой вперёд:

– Дует... оттуда. Значит, там не тупик.

Проход тянулся вперёд, сколько можно было разглядеть в еле сочившемся свете, и вроде бы действительно не торопился смыкаться. Зато очень скоро стало казаться, что зябкие розовые сумерки, оставленные снаружи, были жарким солнечным днём. Гладкие полупрозрачные стены дышали моро-

зом – тем особым морозом, чья мощь копится веками и, во всяком случае по сравнению с мимолётностью человеческой жизни, заслуживает названия вечной. Уменьшилось, истаяло за спиной полукружье выхода, и сомкнулась над головами синеватая тьма, лишь изредка нарушаемая бледными отсветами из трещин, рассекавших ледник где-то далеко наверху. В этих отсветах было видно, что дыхание порождало густой пар.

Холод, журчание падающей воды и переливы мглисто-синего света пробудили новые тени в памяти Волкодава. На такую же ледяную пещеру им довелось набрести в Бездонном Колодце. Они увидели прозрачные горбы, образованные водой, которая, прежде чем застыть, была откуда-то снизу. И в толще одного из горбов, окружённая вихрем кровавых капель, висела человеческая голова, срезанная с плеч лезвиями подземных мечей...

И даже ветер гудел и постанывал в ледяных закоулках почти в точности как тогда. Только налобных светильничков теперь ни у одного из троих не было...

Вспомнив Колодец, Волкодав вдруг явственно ощутил, что вот сейчас догадается о чём-то очень важном. Вот сейчас явится и даст себя рассмотреть некая мысль, выросшая, словно самоцветный кристалл, в укромном *занорыше*⁵ разума...

Но в тот раз догадка так и не осенила его. Камень под нога-

⁵ *Занорыши* – полость в породе, заполненная друзами («щётками») кристаллов.

ми сменился слоем льда, и, как оказалось, залитый водой лёд изобиловал поперечными трещинами, причём весьма глубокими и опасными, да ещё и невидимыми в потёмках. Волкодава оберегло чутьё опытного подземельщика, помноженное на способность видеть в темноте. Шамаргану повезло меньше. Наверное, у него не было пращура-зверя, способного наделить потомка каким-нибудь спасительным качеством. А может, и был, но беспутный правнук оказался недостоин наследства. Шамарган провалился в трещину и канул без звука, не успев ни вскрикнуть, ни руками всплеснуть. Чего доброго, он так и не вынырнул бы, ибо о коварстве трещин не зря слагают легенды, но шедший чуть впереди Винитар как раз обернулся взглянуть, не видно ли погони, – и, заметив внезапное исчезновение Шамаргана, плашмя бросился в воду, чтобы ухватить-таки лицедея за лохмы на макушке.

И выволочь его, порядком нахлебавшегося, надсадно кашляющего, на поверхность.

Вот только самому ему пришлось довольно дорого за то поплатиться.

Погоня оказалась куда ближе, чем они ожидали. Камень, брошенный из пращи скорее всего наугад, с треском выбил из стены пригоршню ледяных обломков, сам же отскочил от неё – и ударил молодого кунса в спину чуть повыше лопаток. Винитар не выпустил Шамаргана, но сам рухнул лицом вперёд, молча. Волкодав сгрёб сразу обоих и торопливо потащил их вперёд, слегка удивляясь про себя, зачем, собствен-

но, делает это. Если он что-нибудь понимал, до Понора оставалось ещё не два шага и не три. А значит, их настигнут гораздо быстрее, чем они куда-нибудь доберутся, и таким порядком в особенности...

Винитар столь безжизненным мешком висел в его хватке, что Волкодав даже засомневался, был ли он ещё жив. Он знал, каких дел может наделать камень из пращи. И хребет сломать, и голову размозжить. Шамарган же шевелился, силясь перебирать ногами и одновременно выхаркивать попавшую в лёгкие воду, и, конечно, ни того, ни другого ему толком не удавалось. В конце концов Волкодав остановился, решив, что поручит сегвана его заботам, а сам останется задерживать погоню, – небось в узком проходе у него это получится неплохо. Он уже открыл рот говорить, когда остров Закатных Вершин снова – и очень весомо – доказал, что кунс Винитар был для него не чужим.

Над головами беглецов раздался чудовищный грохот, мгновенно похоронивший все прочие звуки. Один Волкодав, с его памятью о Самоцветных горах, сразу и верно истолковал его природу, но и ему захотелось, скуля, сжаться в комок, а лучше вовсе исчезнуть, спасаясь от невыносимой огромности происходившего. Остальным – да и кто стал бы их за это судить? – показалось, будто надломился и падает в Изначальную Бездну весь мир.

На самом деле мир был так же устойчив, как прежде, и даже остров ничуть не поколебался на своём каменном ос-

новании. Просто ледник над головами людей выбрал именно это мгновение, чтобы породить в своей толще ещё одну трещину. Или надумал обрушиться высокий зубец льда, подточенный воздухом и водой. Эхо удара, легко слышимое на открытом воздухе за несколько поприщ, здесь, в узком тоннеле, тысячекратно отразилось от ледяных стен, грозя разметать, сплющить, совсем уничтожить жалкие, охваченные вселенским ужасом человеческие пылинки...

Ни один рассудок не смог бы в эти мгновения разродиться осознанной мыслью. Волкодав и был весьма далёк от того, чтобы о чём-нибудь думать. Он просто плотнее вцепился в обоих своих спутников и снова рванулся вперёд, ибо его посетило ЗНАНИЕ, присущее матёрым исподничим⁶ и, как выяснилось, нимало не слабнущее с годами. Скверно сказано – посетило! Не посетило, не подсказало, не нашептало! Оно дало Волкодаву сущего пинка, бросив тело в мгновенный, вполне звериный прыжок, *ибо там, где они с Шамарганом и Винитаром только что находились, была смерть.*

...За тот миг, пока длился прыжок, в подлёдной пещере внезапно стало светло. Волкодав обернулся и понял, что угадал верно и это была всё-таки трещина. Она расколола язык ледника по всей его толщине и простиралась, похоже, от одной скальной стены до другой. Сквозь неё-то и вливался наружный свет, казавшийся ослепительным. На очень корот-

⁶ *Исподничий* – человек, имеющий дело с работой в глубоком подземелье – «исподе».

кое время Волкодав увидел преследователей, выглядевших вблизи ещё неприглядней, чем издали. Маленькие, непропорционально коротконогие, все как один в меховых шапках и одеждах из тюленьих шкурок шерстью наружу... Точно при вспышке молнии, мелькнули в вырванной из времени неподвижности вскинутые руки и рты, разинутые в отчаянном крике... Человекоядцы действительно кричали, словно перед лицом неминуемой смерти.

Почему-то, правда, не издавая ни звука.

А смерть и впрямь была рядом. Противоположный край разверзшейся трещины вдруг заскользил вниз, переливаясь перламутровым блеском, плавно, медленно и неотвратно, и можно было только гадать, откалывалась ли это гигантская «чешуйка» льда – или рушился, схлопываясь, весь тоннель до самого выхода. *Если вода начнёт подниматься, стало быть, весь*, наслаждаясь вернувшейся способностью мыслить, хладнокровно решил Волкодав. Разлетевшиеся осколки хлестнули по воде у самых его ног. Потом свалившиеся глыбы совсем перекрыли просвет трещины, и опять стало темно.

Этот новый обвал тоже состоялся для него без малейшего звука.

Как на первый взгляд ни удивительно, уничтожающий грохот льда легче всех пережил Мыш. Наверное, чувствительные уши зверька обладали способностью отсекаать, не

пуская в нежную глубину, опасно громкие звуки. И то сказать, — если бы дело обстояло иначе, вряд ли его племя смогло бы выжить в пещерах с их часто грохочущими обвалами. Людям пришлось куда тяжелее. Волкодав, единственный из троих не потерявший сознания, ощутил, что по лицу у него что-то течёт, поднял руку смахнуть водяные капли с подбородка и щёк — и увидел на пальцах кровь, густо хлынувшую из носа. Трещина, плотно перекрытая рухнувшими глыбами льда, более не пропускала наружного света, но ему хватало и слабеньких отблесков. Он принялся торопливо осматривать своих спутников, только начинавших слабо шевелиться. У обоих тоже текла кровь, но не из носа, как у него, а из ушей, что было существенно хуже. Венн даже подумал, не остались бы они глухими. Сам он покамест не различал ни плеска воды, ни иных звуков, но полагал, что это дело времени: наследие предка-Пса в который раз оберегало его.

Наконец Шамарган, а чуть позже и Винитар смогли стоять без его помощи. Оба попытались говорить и, болезненно вздрагивая, одинаковым движением потянулись к ушам. Ко всему прочему, синеватая тьма, вполне проницаемая для глаз Волкодава, им казалась совершенно кромешной. Венн вложил в руку Винитару ремённую застёжку своего заплечного мешка, и тот крепко сжал её, понимая, зачем это нужно. Самому кунсу на плечо легла ладонь Шамаргана. Водительство Волкодава было ими принято как должное и даже с благодарностью. После пережитого потрясения ничего так

не хотелось, как надёжной опоры. И, наверное, они нутром понимали то же, что уяснил себе венн: засиживаться на одном месте было нельзя. Ни на ком не осталось сухой нитки, да и мокнуть беглецам довелось отнюдь не в тёплых морях, омывающих Мономатану. Перестань двигаться – и холод, токи которого пронизывали ледяную пещеру, очень скоро доконает всех троих, подарив вместо сошествия в Понор совсем иную смерть, гораздо менее достойную, но зато протяжённую. Они просто замёрзнут.

Шустрый Мыш то уносился вперёд, разведывая дорогу, то возвращался к хозяину. Зябкой сырости вроде теперешней он не выносил и рад был бы отсидеться за пазухой у Волкодава, но, на его беду, человеческая одежда оказывалась такой же холодной и мокрой, как и всё кругом, и зверёк опять пускался в полёт. Наверняка при этом он обиженно верещал, но Волкодав по-прежнему не мог его слышать.

Венн тянул вперёд своих спутников, толком ещё не пришедших в себя и бестолково, незряче спотыкавшихся у него за спиной. Он пытался думать о том, каким образом гибель в бездне Понора была предпочтительней тихого замерзания возле обвала. При этом венн вспоминал Близнеца, вырубленного из ледяных недр, и невольно дивился: им ли, смертным, чураться конца, освящённого участием Бога?.. Причём Бога, насколько мог судить Волкодав, очень достойного, никакому непотребству Своих чад не учившего...

Через несколько сотен шагов он, как ему показалось, су-

мел нащупать ответ. Не род смерти отвращал его, а та безропотность, с которой пришлось бы её принимать. Кроткий Целитель не потому небось остался во льду, что для борьбы мужества не хватило. Вполне могло случиться и так, что Понор окажется недосыгаемо погребён под пятой ледяного великана и им придётся-таки застывать в этой пещере, в последнем её тупике, у трещины либо колодца, в который из внешнего мира со свистом и рёвом падает ветер. Так оно скорее всего и получится, потому что жизнь отчаянно скупа только на счастливые избавления; что-что, а жестокие каверзы у неё не залёживаются. Но это – жизнь, великое испытание, и, стало быть, надо его выдержать до конца. Не сдаваясь посередине дороги и всемерно дразня Незваную Гостью, вынужденную дожидаться мгновения власти.

Вот тогда и перед Старым Псом предстать будет не стыдно.

Не зря вспоминались Волкодаву Самоцветные горы и в особенности Бездонный Колодец!.. Нынешний поход сквозь недра становился чем дальше, тем больше похож на тот давний, случившийся годы назад. Тогда они тоже втроём шли в неизвестность, лелея надежду отыскать выход наружу, но в глубине души гораздо более веря в погибель, подстерегавшую на каждом шагу. Тот раз им пришлось встретиться с двойной неудачей. Легендарному выходу из Колодца, пересудами о котором жил весь огромный рудник, было отказано

в существовании. А наградой по возвращении стали невыполненные посулы.

Только в Колодец они поначалу спускались — и гадали, обдаваемые подземными водопадами, куда же подевалось тепло земных глубин, — а здесь приходилось всё время лезть вверх, оскальзываясь на льду, выглаженном водой. Двигаться вперёд, да ещё с двоими почти беспомощными спутниками, было очень тяжело, и Волкодав постепенно перестал сомневаться и понял, что пещера должна была завершиться в точности как Колодец: округлым залом с озером густой, бирюзово светящейся то ли воды, то ли не воды.

Поэтому, когда синеватые отсветы из еле заметных и доступных лишь его зрению стали вполне различимыми, он сразу понял, что это означало, и даже обрадовался. Очень скоро жерло пещеры резко сомкнулось, превращаясь в узкий, еле-еле протиснуться человеку, лаз в полупрозрачной стене. Оттуда резвой струйкой выбегал ручеёк, дававший начало ледниковой речушке. Мышь безо всяких колебаний нырнул в этот лаз и не заторопился обратно. Волкодав подумал о том, что дыра, казавшаяся просторной маленькому летуну, для него самого могла стать ловушкой. Он снял со спины мешок, примерился, вытянул руку, как мог перекошил плечи... и тело ввинтилось в ледяную нору, без труда вспомнив былую науку.

Лаз встретил венна двумя подряд костоломными поворотами, без остатка потребовавшими всей гибкости, на ко-

торую он был способен. Довольно долго он полз вперёд по вершку, замечая, однако, что с каждым вершком становится всё светлей. Он самонадеянно решил даже, что теперь не страшно было бы и застрять; он держал в руке нож и, вероятно, сумел бы прорубиться сквозь последние пяди. По счастью, этого не понадобилось. Волкодав сделал ещё несколько усилий, рванулся – и выкатился под невероятно высокие и почти прозрачные ледяные своды, очень хорошо пропускавшие свет.

Это был дивной красоты чертог, поистине затмевавший едва ли не всё, что он в своей жизни видел. Сказочная гробница, бредовый сон зодчего, свихнувшегося после утраты любимой. Ледяные стены, колонны, невозможные арки возносились на головокружительную высоту, истаивали, держались на ниточке, и были несокрушимы. То гладкие до хрустальной прозрачности, то изысканно-матовые от инея, они обрастали бахромами, гирляндами, невиданными соцветиями сосулков всех размеров и форм – от крохотных и тонких, словно иглы для бисера, до чудовищных нависших клыков по две сажени длиной.

И всё это великолепие пронизывал, обволакивал, держал на себе свет, лившийся, казалось, со всех сторон поровну...

А посередине чертога, как бы протаивая сквозь ледяной пол, идеально круглой полыньёй затаился непроглядный Понор. Из него не доносилось ни дуновения, ни запаха – совсем ничего. Волкодав обратил внимание, что Мыш, храб-

ро проносившийся взад и вперёд сквозь развешанные в воздухе ледяные кружева, над Понором не шастнул ни единого разу. Да, похоже, здесь было что-то большее, чем обыкновенная пропасть. Даже наполненная ядовитым туманом Препона была понятней и проще в своей смертоносности. А здесь?.. Правда, что ли, сквозная дыра на тот свет?..

Так или иначе, им втроём очень скоро предстояло это проверить. Покачав головой, Волкодав вернулся к лазу и отправился назад, туда, где ждали его Винитар с Шамарганом.

Лёгкий, жилистый лицедей ужом скользнул в лаз и даже утащил с собой заплечный мешок венна. Помощи ему не понадобилось. Волкодав склонился над Винитаром. Тот, по обычаю своего племени, сидел на корточках, беспомощно привалившись к стене, и старался не шевелиться. Пока его тянул вперёд зажатый в руке ремешок, он шёл, вернее, бездумно переставлял ноги, не жалуясь и не превращаясь в обузу, но теперь и на это сил больше не было. Он увидел кровного врага, вернувшегося на подмогу, и улыбнулся ему. Не дружески, конечно, но благодарно – и как бы прощаясь. Вот мол, и весь наш с тобой Божий Суд. Вот как всё оно получилось... А может, и не без вмешательства Богов получилось-то?.. Волкодаву некогда было гадать о тайных замыслах Хозяйки Судеб. Он непременно поразмыслит над этим, но позже. Если время останется. Пока он бегло оглядел кунса и рассудил про себя, что камень, попавший в спину, должно

быть, зацепил того по хребту. И, как обычно в таких случаях получается, наделал беды. Венну приходилось видеть подобное. В самых скверных случаях люди переставали чувствовать ноги, а бывало, и руки. Винитара такая судьба, кажется, миновала, но с места он двигаться не хотел. Когда Волкодав взял его за руку, он покачал головой и что-то сказал. По губам венн умел разбирать плохо, тем более не на родном языке, но всё-таки понял.

«Не надрывайся, – сказал ему кунс. – Нет разницы, где умирать».

«Разница есть всегда, – ответил Волкодав. – Давай, всего-то три шага осталось. Тебя твоя бабушка ждёт».

Самому ему показалось, что вместо голоса получилось какое-то глухое гудение. Оно отдавалось в голове, скверно расчленяясь на слова, и всё-таки это был знак, что слух не навсегда покинул его и даже понемногу налаживался. Венн подумал о том, каково-то придётся раненому кунсу в крутых извивах тоннеля. Может, Винитар был и прав, не желая на пороге смерти лишних страданий. И всё-таки Волкодаву претит мысль покинуть его здесь одного. Нет уж! Собрались все вместе сделать последний шаг, значит, быть по сему. Мало чести в том, чтобы вот так ломать уговор!

«Ну, если бабушка...» – медленно выговорил Винитар. И опять улыбнулся. Совсем не так, как за несколько мгновений до этого. Волкодав обхватил его поперёк тела, постаравшись никоим образом не обидеть подбитую спину, помог дойти до

чала коридора и направил в ледяную нору.

Всё это время ему было просто некогда думать про Шамаргана. Его гораздо больше занимало, как одолеет лаз Винитар. Удивительно, но кунс справился много лучше, чем он ожидал. Вновь выбравшись следом за ним в ледяной зал, Волкодав, против всякого ожидания, застал беспутного лицедея... за молитвой. Самое же странное, что нахальный кощунник, любитель ядовито охаивать чужих Богов, молился очень по-воински. Оголившись по пояс и преклонив колени перед провалом Понора. От загорелого, одетого крепкими мышцами тела в холодном воздухе шёл пар. Волкодав ощутил, как шевельнулась в душе тень праздного любопытства.

А ещё чего я о тебе не знаю, друг лицедей?..

Приподнявшийся Винитар внимательно оглядывался кругом. Венн невольно проследил его взгляд и без труда понял, что пытался найти кунс. Следы людей. Некие памятки, оставленные ушедшими. Что-нибудь, принесённое теми, кто приходил их помянуть. Ведь Понор, принявший столько человеческих жизней, по самой природе вещей неминуемо должен был вызывать поклонение...

Волкодав тоже огляделся. Ничего! Ни вышитого полотенца, ни светильничка, отгоревшего годы назад по чьей-то душе...

То есть всё это, наверное, было. Далеко, глубоко внизу, под толстым слоем льда, что укрыл изначальный каменный пол и почему-то не смог сомкнуться лишь над Понором. Ны-

нешнее ледяное святилище возникло уже после того, как племя Закатных Вершин переселилось на Берег. Святилище – или, вернее, обитель неких сил, не враждебных и не дружественных человеку, а просто не имеющих к нему ни малейшего отношения и не желающих его замечать. И оттого не годилась эта обитель ни для светлого молитвенного служения, ни просто для жизни, – разве что запечатлеть в памяти ледяную внечеловеческую красоту и мысленно любоваться ею потом, позже, когда будет пройден путь и отодвинуты нынешние тяготы и тревоги, когда власть воспоминаний отшелушит, как ненужную кожуру, и мокрую одежду, и пробирающий до костей холод, и страх перед неведомым и неминуемым... и останутся лишь переливы далёкого солнца в хрустальных иглах и гранях...

Потом?.. Волкодав с новым интересом оглядел умопомрачительно высокие стены, плавно сходявшиеся над головой. В пещере было очень светло, значит, слой льда наверху достаточно тонок. А несильный, но постоянный сквозняк говорил о том, что где-то имелась и сквозная продушина... Волкодав стал медленно обходить идеально круглое жерло Понора, придирчиво вглядываясь в переливы и изгибы льда и вместе с тем мысленно перетряхивая содержимое своего мешка. У них с Винитаром были мечи и боевые ножи. И один деревянный меч, оставшийся более-менее целым. И ещё – это уже касалось мешка – кое-какой инструмент, без которого разумный человек не пускается в дальнее путеше-

ствие: молоток, полтора десятка разных гвоздей, хорошая маленькая пила, запасной нож и, конечно, верёвки. Да чтобы с такой-то снастью трое крепких мужчин не придумали себе иного исхода из этой дыры, кроме бессильного шага в Понор?..

Взгляд опытного подземельщика скоро нашарил на двухсаженной высоте уступ, вполне приемлемый, чтобы встать на него и начать рубить ледяные кружева, прокладывая путь ещё дальше вверх. Работа, конечно, будет – не позавидуешь, но ничего невозможного в том, чтобы добраться до свода и хорошенько приложиться к нему молотком, Волкодав не находил. Знать бы ещё, что они увидят, выбравшись на ледник? Хищные рожи дикарей, расслышавших стукоток и смекнувших, что он означает? Или – ещё хуже, но тоже вполне вероятно – ясную морскую даль и в ней парус уходящего корабля?..

Жизнь давно отучила Волкодава бояться подобного исхода ещё не совершённых поступков и впадать из-за этой боязни в грех недеяния. Он хотел позвать Мыша и отправить его на поиски отдушины – понятливый зверёк очень хорошо умел это делать, – но тут Мыш сам подлетел к нему и, повиснув перед лицом, отчаянно заверещал. Слух к Волкодаву едва-едва возвращался, вопли и пронзительный писк Мыша показались ему тонкими иголочками, словно бы издалека и невнятно кольнувшими внутри онемелых ушей. Одно не подлежало никакому сомнению: истошные крики

зверька означали нешуточную опасность. Венн привык доверять крылатому спутнику, распознавшему недоброе. Его собственное пёсье чутьё сработало лишь мгновением позже. Эти напряжения в тонкой ткани бытия, обычному человеку способные, самое большее, внушить смутное беспокойство... Волкодав в своё время прошёл слишком страшную школу. Он даже не бросил лишнего взгляда на облюбованный было уступ, как-то сразу поняв, что стоять там с молотком ему уже не судьба, – и без колебаний кинулся к спутникам. И совсем не удивился, когда рядом грохнула о ледяной пол и вдребезги разлетелась сорвавшаяся сверху сосулька. Потом ещё и ещё.

А обидно было бы, случись всё это, когда мы были бы на полпути к потолку... – пронеслась в сознании Волкодава совершенно неуместная мысль.

Быть может, первоначальный обвал, уничтоживший внешнюю половину тоннеля, запрудил-таки речку и вода, не находя выхода, взялась ретиво размывать основания ледяных стен? Или то первое сотрясение оказалось столь сильным, что поколебало столетнее равновесие всего ледникового языка и теперь он давал трещину за трещиной, разваливаясь на ломти, неотвратимо обрушиваясь сам в себя, заполняя внутренние пустоты – так, словно некто огромный шагал по нему снизу вверх, топча и проминая иссечённую разломами бело-голубую поверхность?..

Шамарган и Винитар были уже на ногах. Волкодав подле-

тел к ним, как раз когда пещеры достиг особенно сильный удар, – и купол, нависший над Понором, раскололся. Теперь обломки сыпались градом. Чудеса ледового зодчества на глазах превращались в рои метательных копий, жаждущих крови. Крови нечестивцев, оскорбивших созерцанием не предназначенное для смертного взгляда. Шамарган вскинул над головой многострадальный Волкодавов мешок – авось тот, надёжно сработанный мастером, делавшим в своё время щиты, продержится ещё хотя бы немного. Трое мужчин перед лицом смерти по-братски схватились друг за дружку, не понимая зачем, просто потому, что иначе было совсем невозможно. Трещина очертила ледяной потолок как раз там, где собирался прорубать его Волкодав: он действительно угадал самое слабое место. Трещина расширилась, и новый толчок сбросил вниз округлую крышку. Она упала по ту сторону Понора и рассыпалась, обдав белыми крошками стены. В лица людям дохнуло ветром и ледяной пылью. Волкодав вскинул глаза и успел рассмотреть высоко над собой кружок чистого неба.

И в этом кружке – три вершины, три горных зубца.

Потом вся правая стена подалась, дрогнула и начала падать.

Ему показалось, она падала медленно-медленно.

Прозрачные клыки сосулек, которые он не так давно собирался запомнить и унести с собой для мысленного любования, хищно и величественно запрокидывались... целясь как

раз туда, где они трое стояли. И спасения не было никакого. Ни увернуться, ни отскочить – некуда.

Разве что...

Мышь упал на голову Волкодаву и что было мочи вцепился коготками ему в волосы: «Я с тобой! Делай, хозяин!..»

И Волкодав сделал. Единственное, что ему ещё оставалось. Он шагнул вперёд, через гладкий ледяной край, в темноту и ничто. Двое спутников, с которыми они держали друг дружку за плечи, шагнули вместе с ним до того слаженно и согласно, словно так тому и следовало быть.

Через долю мгновения пещера за их спинами перестала существовать. И на том обвал прекратился. Великанская пасть захлопнулась, схватив пустоту.

У Хономера было припасено с собой вполне достаточно зерна, муки и печёного хлеба – тех самых нечерствеющих походных лепёшек, которыми так славился кочевой Шо-Ситайн. Не говоря уже о сушёном мясе, приправах и соли: жрец-Радетель, вообще-то способный месяцами держаться на горстках молотого ячменя, на сей раз оставил привычку путешествовать налегке, желая, как уже говорилось, явить диким горцам державную мощь и величие своего храма.

К его превеликой досаде, ночной потоп, превративший в липкие, забитые грязью комья жреческое облачение и богослужебные книги Хономера, не пощадил и съестного, чем нанёс святому делу, пожалуй, даже больший урон. Именно

так: богато расшитые красно-зелёные ризы можно было отстирать и высушить на ветру, что же до книг, то написанное на погибших страницах Хономер и так знал наизусть до последнего слова... А вот хлеб, мясо и крупа оказались непоправимо утрачены. Всего через сутки с небольшим после ночёвки возле Зимних Ворот, когда, с неисчислимыми трудностями выбравшись на плато Алайдор, Хономеров поезд наконец-то обосновался для новой стоянки на относительно сухом и надёжном бугре, жрец заставил валившихся от усталости людей сперва всё-таки разобрать мокрые выюки на просушку. Тут-то и оказалось, что все запасы снеди, кроме зерна для животных, успели насквозь прорасти плесенью. Чёрной, склизкой плесенью, тошнотворной даже на вид.

И это в лютном холоде, посреди лениво тающего снега, за какие-то несчастные сутки, да в плотных кожаных сумках и мешках, наглухо закупоренных именно от таких вот случайностей!

Необъяснимо...

Тем не менее траченное плесенью осталось только выбросить наземь. Есть что-либо, опоганенное чёрной паршой, даже после варки в котле, значило наверняка отравиться, — бывалые походники знали это из опыта. Между прочим, у них и котлов-то оставалось едва половина. Остальные валялись сейчас на камнях где-то внизу, смытые всё тем же потоком. Кутаясь в плащ, Хономер угрюмо смотрел, как мешок за мешком отправлялся в kloкочущий каменистый размыв,

и сквозной ветер, по-прежнему тянувший со стороны гор, насвистывал ему в ухо: возвращайся, жрец. Возвращайся назад!...

Он подумал о стеклянном светильничке, которого, сколько он ни шарил мёрзнувшими руками по затопленному полу шатра, отыскать так и не удалось. Должно быть, прокудливая вода вытащила его наружу и похоронила в грязи. Вот так ложатся в землю самые неожиданные предметы; другие люди случайно находят их сто лет спустя и потом долго гадают, что это за вещь и каким образом явная принадлежность учёного могла очутиться посередине дикой страны. Светильничка было жалко, но Хономер понимал: сколько ни отводи душу хоть ругательствами, хоть молитвой, утраченное от этого не вернётся. Значит, надо оставить прошлое прошлому и жить дальше.

И уж возвращаться в Тин-Вилену, испугавшись происков недоброжелательных алайдорских божков, он ни в коем случае не собирался. Пусть нашёптывают голосом ветра любые предостережения и угрозы, он их не слушает. Если на то пошло, после гибели книг до конца путешествия ему вряд ли придётся читать. Да и записи делать, поскольку запас чистых листов, даже если просохнет, будет годен только в костёр. А значит, потеря светильничка становится не такой уж обидной. Вполне можно подождать несколько недель. А там договориться с купцом, едущим в Галирад, и заказать новый...

– Нужно поохотиться, – сказал он Ригномеру. – Отпра-

вимся завтра с утра.

Дичь, водившаяся на плато Алайдор, не то чтобы поражала изобилием, но всё-таки давала пропитание и пастухам, и купцам из торговых караванов, направлявшихся в итигульские горы. Здесь встречались и зайцы, и жирные куропатки, и олени, и разное другое зверьё. Пронёсшееся ненастье, однако, заставило живность попрятаться, и Хономер выехал на охоту, в основном надеясь высмотреть мохнатого горного быка, известного своим безразличием к непогоде.

Эти животные были несомненными прародителями местного отродья коров, дававшего оседлым шо-ситайнцам молоко, мясо, навоз для топлива и удобрения, необыкновенно прочные шкуры и обильную шерсть, пригодную на войлок и пряжу. Дикие быки отличались от домашних разве что однообразием масти – были они сплошь бурыми, под цвет каменных осыпей, с чёрными гривами и чёрными мётлами роскошных хвостов, – да ещё более тяжёлыми головами в сущих шлемах рогов, сраставшихся над низкими лбами. Никакому хищнику не было приступа к огромному зверю, превосходившему в холке человеческий рост и вдобавок способному с лёгкостью одолевать кручи, по виду доступные разве что для горных козлов. Наверное, из-за этого быки и не усматривали для себя особой опасности, когда чуткие носы или даже близорукие глаза различали подходивших людей. К тому же, по мнению охотников, промышлявших на Алайдоре,

горный бык был до невозможности туп. Однажды уцелев, он не только ничему не учил народившихся телят, но даже и сам не мог научиться: при новой встрече с человеком вёл себя в точности как впервые. Если б не подобное скудоумие, быть бы ему, с его-то силой и ловкостью, противником грозней всякого мономатанского тигра!

Хономер не питал особой страсти к охоте (что, кстати, являлось едва ли не упрёком для него, убеждённого последователя Старшего), но, будучи опытным путешественником, толк в ней понимал и необходимой сноровкой не был обижен. Ему неоднократно случалось странствовать в таких краях, где иначе как охотой прокормиться было нельзя. И ничего, до сих пор оставался в живых. Он выехал на заре, сопровождаемый кромешником и Ригномером, хорошо знавшим окрестности. Все три сегвана, не исключая и Ригномера, были верхом и ещё вели с собой двух могучих мулов, привыкших к поклаже, — поскольку иным способом доставить в лагерь тушу быка никакой возможности не предвиделось.

Отправились почти наверняка: к тому месту, где накануне разведчики, подыскивавшие место для палаток, издали заметили двух мохнатых быков. Звери стояли на каменистой гриве, сами похожие на два тёмно-бурых валуна, и даже не двигали головами — только мерно ходили челюсти, перемалывавшие жвачку. Можно было уверенно предположить, что они и теперь там находились. Снег, по-прежнему сыпавший с низкого неба, не располагал к дальним переходам. Нашёл

укрытое от ветра местечко – и отдыхай себе, пока не станет ласковее погода и опять не покажется из-под снега трава...

Довольно скоро охотники убедились, что дикие быки в самом деле не ушли далеко с места ночёвки. Первым заметил их Ригномер, обладавший очень острым, не испорченным книгами зрением и вдобавок привычный к зрелищу алайдорских угодий. Он-то и указал своим спутникам на зверей, которые со вчерашнего дня только обошли каменистый холм, выбрав на его южном склоне полянку, где снег лежал менее толстым слоем, чем всюду. И теперь неторопливо паслись, разбрасывая талые комья ударами сильных копыт.

Здесь добытки спешили. Кромешник остался с конями, а жрец и Ригномер стали подкрадываться к быкам. До них оставалось не более пяти сотен шагов. И Хономер, и Бойцовый Петух были вооружены самострелами. Из самострела не бросишь подряд десять стрел, как из лука, чтобы первая ещё дрожала, когда воткнётся последняя. Зато, чтобы сносно владеть этим оружием, не требуется особенной сноровки и силы. Самострел с его воротком и спусковым устройством навряд ли подойдёт человеку, которому приходится каждодневно отстаивать жизнь, свою либо чужую. А вот таким, как бывший купец Ригномер и тем более Избранный Ученик, – как раз.

Охотники были облачены в тёплые свободные балахоны мехом наружу. Они стали подбираться к быкам, по возможности таясь за камнями и держась при этом на четверень-

ках, чтобы скверно видевшие животные по неразумию своему обманулись. Хономер сообразил ещё и приподнять самострел над головой таким образом, чтобы маленький натянутый лук издали являл подобие рожек. Ригномер покосился на жреца и сразу перенял его хитрость, тем более что та явно удалась: быки не забеспокоились, даже когда полтысячи шагов постепенно превратились в двести, а потом и в сто двадцать. Ветер к тому же тянул людям навстречу, неся запах мокрой свалявшейся шерсти. Это давало возможность подползти ещё ближе, но ясно было, что очень скоро придётся подниматься с колен и стрелять. Хономер кивнул соплеменнику и указал ему на левого быка, намереваясь сам взять того, что держался правее. Бойцовый Петух согласно кивнул и принялся отползать, занимая выгодное положение для стрельбы.

Достигнув наконец почти самого края открытой поляны, где дальше уже не было камней для укрытия, Хономер медленно привстал и, оперев самострел на край плоского валуна, начал целиться. Он из опыта знал, насколько толст и неповреждаем череп быка. Знал он также, что при всей пробивной мощи самострельного болта одним выстрелом в тело подобного зверя можно убить только при несусветном везении. И ещё ему была известна привычка горных исполинов бросаться на подранившего человека. Это особенно касалось старых самцов, а бык, которого наметил себе Хономер, был именно таким – немолодым и угрюмым, с серебри-

стой полосой седины, наметившейся вдоль хребта. И вот тут охотника вполне могла подвести медлительность самострела. Его ведь не заставишь немедленно стрелять вдругорядь. Хономер прикинул силу ветра и дальность и стал тщательно целиться быку в глаз. Потом нажал на медный крючок.

Это был его собственный самострел, хорошо знакомый и глазу, и руке. И не просто знакомый. Хономер владел им очень и очень неплохо, ибо справедливо полагал: всякое умение, к которому подталкивает жизненная необходимость, следует должным образом освоить, не надеясь, что судьба доведёт обойтись. Стрела полетела – и непременно угодила бы зверю прямо в зрачок, но за мгновение перед тем, как ей надлежало воткнуться, животное словно кто-то хлопнул по морде рукой. Бык резко мотнул головой, и болт вместо глаза ковырнул основание рога, чтобы, скользнув, умчаться неизвестно куда. Бык же снова мотнул косматой головой, на сей раз весьма раздражённо, и, раздувая ноздри, стал искать, кто посмел так внезапно и больно ужалить его.

Хономер стоял на коленях в жалкой полусотне шагов и двумя руками отчаянно крутил вороток, натягивая тетиву.

Ригномеру тем временем повезло больше. Его стрела попала молодому быку в верхнюю часть плеча и ушла в тело вся целиком, так что даже перьев было не разглядеть в густой бурой шерсти. Бык грозно пригнул рога – а каждый рог был длиной с вытянутую руку мужчины – и с коротким низким рёвом двинулся на Ригномера. Если бы у него, подобно туру

северных чаш, хватило норова и ума пойти до конца – тут-то худо пришлось бы охотнику, вынужденному только спасаться, а и удалось бы или нет уйти от разгневанного зверя по его-то родным кручам – это, как говаривало одно славное племя из тех же лесных чаш, было вилами на воде писано. Но, на свою беду, горный бык отличался от лесного тура примерно как сегванский лук, вырезанный из одной ореховой ветки, от веннского, усиленного рогом и жилами и туго спелёнатого берёстой. Лохматый великан обыкновенно пробегал с десяток шагов и останавливался в нерешительности, словно не зная, что же ему делать с обидчиком. Может быть, такой приём и отпугивал хищников, заставляя их убираться на поиски добычи полегче, но против решительного человека он оказывался бессилён. Более умные животные давно поняли бы, как следовало поступать, и передали бы детям науку. Бурые быки Алайдора продолжали жить и умирать, словно на заре поколений. Зверь, подстреленный Ригномером, устремился было на охотника... и встал, ни дать ни взять позабыв, что вообще происходило кругом. Он даже потянулся мордой к траве, но сегван, как раз перезарядивший оружие, хладнокровно прицелился и всадил в него вторую стрелу.

Новый раскат оскорблённого рёва, закидывание на спину чёрной метлы хвоста и новый рывок на те же десять шагов... Когда наконец очередная стрела повалит быка, Ригномера ещё будет от него отделять вполне порядочное расстояние.

А вот могучий старый самец, которого избрал себе в до-

бычу Хономер, вдруг повёл себя совсем не по обычаю своего племени. Быть может, горные стада наконец-то выродили вожака, способного научиться. Вместо того, чтобы явить бессмысленную свирепость, он повернулся – и огромными прыжками кинулся прочь. Пустился на уход, как говорили охотники. Хономер успел поразить его ещё одной стрелой, в правую ляжку. Бык начал прихрамывать, его след обильно окрасился кровью.

– Я за ним! – крикнул Ригномеру Избранный Ученик. Бойцовый Петух, занятый очередным поспешным взведением тетивы самострела, лишь согласно кивнул.

В этих местах ограждающий хребет Алайдора, тот, что был прорезан несколькими Воротами, выдавался на само плоскогорье длинными каменистыми гривами в сплошных осыпях и оврагах. За одной из таких грив и скрылся подраненный бык. Хономер, охваченный благородной охотничьей страстью, со всех ног устремился за ним. Бесформенный меховой балахон мешал ему: путался в коленях и к тому же был слишком толст и тяжёл. Жрец прямо на ходу скинул его на камни и побежал дальше в одной шерстяной рубашке и таких же штанах, заправленных в сапоги. Вот теперь было как раз. Он ещё подумал о том, как бы умудриться обойти быка и хоть криком, хоть стрелами направить его назад, поближе к лошадям и кромешнику, оставшемуся их сторожить. Если погоня окажется долгой и заведёт его далеко, ещё надо будет успеть к туше с выучными мулами прежде, чем до мяса до-

берётся прожорливое зверьё!..

К немалой досаде Избранного Ученика, бык оказался ранен далеко не так сильно, как ему показалось вначале. Животное перевалило гриву и скрылось за ней, а когда на гребень выбрался изрядно запыхавшийся охотник, бурый силуэт маячил уже на следующей гриве, на самом верху. Хономер на какой-то миг даже усомнился, тот ли бык там стоял или, может, какой-то другой. Но нет, зверь сердито тряс рогами и лохматым хвостом – и прихрамывал на правую заднюю ногу, а на снегу ниже по склону виднелись явственные отметины крови. Горный воздух обладал хрустальной прозрачностью. Хономеру показалось, будто он даже различил короткое древко своей стрелы, торчавшее из ляжки быка.

Самец между тем заметил своего мучителя. Он хрипло протрубил, закинув голову к низким облакам, висевшим, казалось, лишь чуть ниже кончиков его рогов. И стал обманчиво неторопливо спускаться по противоположному склону, быстро пропадая из глаз.

Что делает с человеком охотничий азарт и в особенности вид уходящей добычи!.. Воздержанный жрец Близначев вполне по-язычески вслух помянул трёхгранный кремёнь Туннворна и даже Хёгговы волосатые шульни, чего с ним уже много-много лет не случалось, – и, ничуть не озаботившись укорить себя за вырвавшиеся слова, запрыгал вниз по мокрому и скользкому от тающего снега камням. Камни воровались под ногами, Хономер оступался и падал, но подни-

мался и упорно продолжал путь, заботясь только о том, чтобы не повредить самострел и не растерять болты. Если глаза не подвели его, бык хромал заметно сильнее, чем на поляне. И крови, пятнавшей следы, было более чем достаточно. Скоро он ослабеет.

Достигнув дна распадка, Хономер без промедления снова полез вверх, старательно забирая правее, ближе к порубежному хребту Алайдора. Это означало лишнюю трату времени и усилий – но в том ли беда? Если ему повезёт, он сумеет повернуть недобитка и даже выгнать его на равнину, на относительно открытое место. И уж там либо сам дострелит его, либо выведет прямиком на самострел Ригномера...

Между тем ноги начали жаловаться и болеть от натуги, далеко не запредельной для Хономера, дыхания не хватало. Это брала своё высота, делавшая воздух слишком скудным для непривычного жителя равнин. Хономер был в горах далеко не новичком, но природной приспособленностью урождённого горца всё же не обладал, и это сказывалось. К тому же невероятная чистота этого самого воздуха снова обманула его, сколько раз он ходил в горы, столько же и попадался, особенно в пылу охоты, как нынче: никак не мог правильно оценить расстояние. Кажется – рукой подать, а двинешься в путь – семь потов и полдня, пока доберёшься. Когда жрец выбрался на следующую гриву, рубашка на нём была мокрей мокрого. Он жадно огляделся и на какое-то мгновение заметил бурый с серебром бычий хребет, исчезающий за россы-

пью валунов. А если бы, взбираясь сюда, он позволил себе остановиться для единственного лишнего вздоха, не было бы у него и этого мига, и, вероятно, он вовсе потерял бы своего быка. Потому что крови на снегу сделалось меньше, а сами пятна стали светлее и реже. Зверь уходил. Хономер снова выругался на языке предков, правда шёпотом, чтобы не тратить дыхания. И заторопился вниз по шуршащей галечной осыпи, на которой не держалась никакая трава.

Если бы в это время разошлись тучи, он мог бы заметить, что день вплотную подобрался к середине. Но тучи расходиться не собирались. Они как будто уткнулись в пограничную гряду – и остановились на месте, чтобы висеть здесь, пока напроочь не изойдут лениво кружащимся снежком. Вершин, казавшихся с Алайдора всего лишь иззубренными холмами, и тех не было видно в сплошной серой, низко нахлобученной пелене. А уж близкого величия главных хребтов Заоблачного кряжа и вовсе заподозрить было нельзя: равнина и есть, во все стороны одинаковая. Знать, оттого кряж и прозывали Заоблачным...

Хономеру некогда было задумываться ни о времени, ни тем более о происхождении каких-то названий. Бык уходил, но ещё окончательно не ушёл от него – и не уйдёт, если он заставит себя ещё против прежнего немного поторопиться! Зря ли на сей раз зверь обнаружил себя перед ним куда ближе, чем с первой гривы!.. Хономер посмотрел вперёд и сразу придумал верную уловку, позволявшую всё-таки отрезать

его от гор...

Он в самом деле не числил себя завзятым охотником. Тому, кто пребывает относительно себя в подобном же заблуждении, следует, право, повременить, покуда не начнётся охота. Покуда не пропоют первые стрелы и подбитый зверь не кинется прочь, заставляя хмельное вдохновение погони огнём катиться по жилам. Едва ли найдётся мужчина, который окажется вовсе невосприимчивым к этому древнему вдохновению, – сколь бы далёким от земных страстей он себя ни считал. Куда подевался учёный священнослужитель, строгий в словах и поступках, дерзавший размышлять о путях своей веры и о ступенях к престолу Возлюбленного Ученика? Всё жреческое слетело с Хономера, словно жухлый лист с дерева в осеннюю бурю. Остался могучий охотник с самострелом в руке, что летел незримой тропой своих пращуров-сегванов, поколениями точно так же ходивших за зверем на своих родных Островах... Какая усталость, какое чувство опасности? Всё, всё прочь!.. Прочь – в другую жизнь, до-охотничью, неохотничью... невыносимо скучную и безынтeресную... настолько, что поистине вовсе и не ты её вёл! Вот, вот оно, настоящее! Когда отпадает всё наносное и чужое и остаются только камни под ногами и небо над головой, а посередине – ты сам на тропе – и противник-зверь, готовый бесповоротно уйти, если ты промедлишь с одним последним усилием... или упасть к твоим ногам, если это усилие будет вовремя совершено. Ещё чуть-чуть! Ну?! Кто кого?..

Ещё чуть-чуть...

Вечер подкрался незаметно. Именно подкрался. Кажется, только что было вполне достаточно света, чтобы различать белый снег на чёрных камнях и всё более редкие пятна крови вдоль цепочки следов, а прозрачные сумерки, даже не очень осознаваемые как сумерки, делали особенно чёткими очертания ближних отрогов... И вдруг – стоило приостановиться, чтобы утереть рукавом пот, как что-то успело неуловимо, но полностью перемениться, и чёрное начало естественно смешиваться с белым, кутая мир непроглядным тёмно-серым покрывалом подступающей ночи.

Только тут начал спадать угар охотничьей страсти, кем-то словно бы исподволь подогретый в душе Хономера. Он огляделся, трезвея, и понял, что потерял быка безвозвратно. Никакое «последнее усилие» уже не поможет к нему подобраться на выстрел. И вообще следовало бы ему это уразуметь ещё полдня назад, после первой же гривы, на худой конец, после второй.

Не уразумел...

А теперь и сказать толком не взялся бы, сколько таких грив отделяло его от полянки, где они с Ригномером расстались.

Хономер остановился на взгорке, нахмурился и сказал себе, что сделал ошибку. Ошибки он не привык прощать никому, себе же – всех менее. За них следовало наказывать, что-

бы в другой раз останавливала память, чтобы было впредь неповадно. Вот он и накажет. Он будет идти, если понадобится, хоть целую ночь, но не даст себе отдыха, пока не вернётся к стоянке. И в дальнейшем, когда случится необходимость охотиться, он не станет участвовать. Не сумел вовремя остановиться – сиди в палатке. Лучше бы он сейчас у костра книги сушил!..

С отвращением вспомнив безумный азарт, совсем недавно владевший его душой, – да как мог он, жрец, до такой степени поддаться ему, что явное помрачение даже представлялось ему вполне естественным и прекрасным?... – Избранный Ученик повернулся туда-сюда, силясь хоть что-нибудь рассмотреть в сгустившейся темноте, утратившей обманчивую сумеречную прозрачность... и вот тут сердце у него упало уже по-настоящему. Вместо того, чтобы воспользоваться последними отблесками света и наметить дорогу назад, он... понял, что вообще не представляет, с какой стороны забрался сюда. Оттуда? Или оттуда?.. Очертания валунов, которые он про себя числил приметными, расплывались, становясь одинаковыми. Хономер опустился на корточки, наполовину ощупью отыскивая свои собственные следы, но и тут его ждала неудача. Снег таял – и кто, не обладая достаточным обонянием, взялся бы утверждать, где тут ямка от потревоженного камня, а где – расплывшийся след от ноги?..

Истинной черноты ночь не сулила. При ясном небе она была бы вполне достаточно светлой. Но толстая пелена туч

не допускала к земле сияние далёкого солнца, преломлённое и задержанное небесными сферами. И она же не давала рассмотреть звёзды, могущие указать путь. Над Алайдором витало призрачное подобие света. Оно вроде бы и позволяло что-то видеть кругом, но так скрадывало выступы и углы, что напряжённый глаз видел не столько действительное, сколько желаемое, и, конечно, обманывался. И это было, пожалуй, ещё опаснее, чем пытаться пробираться в полной темноте.

Тогда-то на Хономера, что называется, навалилось всё сразу. И усталость, от которой ноги попросту отказывались идти, и холод, тысячами игл пронизавший единственную рубашку, мокрую от талой жижи и пота, и... чего уж там – страх, вызванный осознанием, что охота из просто неудачной грозила стать по-настоящему смертоносной. Сколько таких же добытчиков, радостно спешивших по следу, в итоге либо замёрзло, либо сорвалось с кручи на камни, либо потревожило опасного хищника и не сумело отбиться? И кто сказал, будто он, Хономер, чем-то лучше этих бедняг и, оставшись один в холодной ночи, почему-то не подлежит сходной судьбе?..

Так нащёпывал склонный к осторожности разум. Он призывал Хономера устроить какой удастся ночлег – и благодарить Предвечного, если хотя бы удастся продержаться до утра, не застыв насмерть. Разуму, однако, противоречила неукротённая гордость. Она властно повелевала исполнить зарок о немедленном возвращении, и ей некоторым образом

придавал силы холод. Хономер представил себе, как забьётся куда-нибудь под валун, где будет так же мокро, как и повсюду кругом, и за шиворот немедленно потечёт холодная влага, и он будет, трясаясь, обнимать себя руками в тщетной попытке не допустить к телу хотя бы ветер...

Мысль о подобном ночлеге заставила его содрогнуться. Нет уж. Лучше справиться с усталостью и всё время шагать.

– Святые Близнецы, прославленные в трёх мирах... – начал он молитву, опустившись на колени и уже не заботясь о выборе верного направления – лицом к Тар-Айвану, – ибо это не представлялось возможным. Он больше не имел никакого понятия, где север, где юг. – И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...

Его молитва была исполнена того сердечного жара, который являют, пожалуй, только сильно провинившиеся перед своими Богами и самым искренним образом стремящиеся поправить содеянное. При этом в глубине души Хономер полагал, что его прегрешение было всё же не таково, чтобы карать за него лютой смертью от холода или в когтях у проголодавшейся горной росوماхи. И потому он смиренно просил у Богов не избавления, но верного пути назад, к лагерю, дабы его жреческое служение могло быть продолжено.

Святые слова, давно и непоколебимо памятные наизусть, показались ему исполненными нового и великого смысла. Он поднялся с колен, чувствуя, как отступают, лишаясь власти над ним, страх и чёрное одиночество. Хранящая длань

Предвечного была по-прежнему простёрта над его головой. Хономер вновь огляделся, и на сей раз ему словно промыли глаза. В сером мороке отчётливо вырисовалась скала с гранёной, словно обтёсанной, макушкой, которую он запомнил, поднимаясь сюда. И как только он умудрился не рассмотреть её прежде? Наверное, от усталости и испуга. Хономер вызвал в памяти карту Алайдора и немедленно со всей определённости понял, куда именно его занесло. Правда, если принимать его догадку как истинную, получалось, что, молясь, он стоял к Тар-Айвану не лицом, а совсем другим местом, тем, которое не принято упоминать, но это уже не имело значения. Ибо разве не было сказано, что искренняя молитва всегда достигнет Небес, в каком бы малоподходящем месте ни довелось её возносить?! Главное – его Услышали. А стало быть, вернуться назад будет вовсе не трудно, надо только идти и терпеть, терпеть и идти.

Как, собственно, он и замышлял, отмеривая себе должное наказание. Ходить он умел. Терпеть – тоже.

Хономер встряхнулся, поправил за спиной не нужный более самострел. И бодро стал спускаться с горушки.

Надо будет по возвращении отметить её на карте и назвать как-нибудь подходяще. К примеру, «Молитвенный Холм»...

Он подумал о том, что эта горушка, ныне безымянная, ещё может со временем сделаться настоящей святыней среди его последователей. И улыбнулся в потёмках.

Избранный Ученик шагал всю ночь напролёт, спускаясь в распадки и вновь поднимаясь на каменистые гривы, каждая из которых казалась ему вдвое выше и отвеснее предыдущей. Преодолённые отроги он не считал, да и не много толку подсчитывать то, чему всё равно не знаешь числа. Иногда зрение, да и самый разум Хономера завлакивал непроглядный туман. Когда он рассеивался, жрец с некоторым удивлением обнаруживал, что тело, оказывается, продолжало действовать само по себе и он всё ещё куда-то брело, шатаясь, как пьяное. Тогда Хономер начинал петь священные гимны. Хотя бы шёпотом (на большее сил уже не было), но всё-таки вслух. Благо помнил их великое множество ещё со времён начала своего Ученичества.

В тревожной ночи пролегает мой путь,
Дай силу, Предвечный, с него не свернуть...

Большинству гимнов приписывалось чудесное происхождение. Правда, в старые времена находились мыслители, державшие усомниться. «Вчитайтесь хорошенько в стихи, они же несовершенны! – говорили учёные спорщики. – Могут ли небесные Силы, стоящие у престола Отца, создать нечто несовершенное?» – «Силы Небес породили, в частности, самих нас, а мы куда как далеки от совершенства, – отвечали другие жрецы. – Совершенства мы, по Его воле, должны достигать сами, насколько сумеем. Если бы Он ниспослал нам

гимны, вполне соответствующие Его славе, мы не смогли бы не то что понять их, но даже и просто вынести столь высокую благодать. Это как лекарство, которое, не будучи должным образом разведено, способно принести не исцеление, но гибель!»

Спор был очень давний, и завершился он – конечно, не в пользу усомнившихся – задолго до рождения Хономера. Будущий Избранный Ученик прочитал о нём в книгах. При том в книгах, вовсе не входивших в непререкаемый круг чтения юных жрецов. Он не стал задавать лишних вопросов даже своему Наставнику, которому полностью доверял, но про себя решил, что повод для словесной битвы – чуть не превратившейся в битву самую настоящую – на самом деле не стоил выведенного яйца. Да и якобы невыносимая благодать, по его мнению, служила объяснением для простецов. Хономеру безо всяких толкований было ясно с первого взгляда, что гимны, во всём их поэтическом несовершенстве, складывали мудрые основатели вероучения, и следовало бы не усами затыкать, а сообща за это им поклониться. Ибо основатели, как никто, понимали: среди будущих Учеников непременно окажется уйма невежд, которым для постижения книжного слова ещё понадобится чтец... тогда как стихи с лёгкостью запомнит любой, в том числе вовсе не разумеющий грамоты. А уж песню и запоминать не понадобится. Сама ляжет на ум.

Страдание сулит непроглядная ночь,
Дай силу, Предвечный, его превозмочь!

Гимны были очень разные, среди прочих и праздничные, но таких насчитывалось немного. Семь из каждых десяти посвящались временам гонений на Ближнецов и неисчислимым бедствиям, что претерпели от злых людей первые Ученики. Хономер начинал служение мальчишкой, и ему повезло угодить в храм, отличавшийся сугубой строгостью жизни. Нет, там, конечно, не отправляли за провинности на дыбу и на костёр, но иногда подростку казалось, что лучше бы уж отправили! Он помнил, как выручали его тогда стихотворные сказания о мужестве утеснённых за веру.

Колодки, и цепи, и кнут палача
Вовек не погасят надежды луча.
Тонка, беззащитна, над книгой свеча
Ещё обернётся сверканьем меча... —

на пределе дыхания сипел Хономер, выбираясь к очередному приметному камню и высматривая впереди следующий. Ночь всё никак не кончалась. И огоньки лагеря по-прежнему не спешили показываться вдалеке.

Он смутно заподозрил неладное, когда, посмотрев вверх, вдруг обнаружил, что тучи разорвались, открывая довольно просторный клоч густо-синего неба, усеянного по-летне-

му немногочисленными, но вполне яркими звёздами. Хономер запрокинул голову, жадно приглядываясь... Как любой опытный путешественник, он хорошо представлял себе расположение созвездий и закон их движения кругом Северного Гвоздя. Да ещё, не довольствуясь собственными наблюдениями, приобретал где мог хорошие карты небесных светил и подолгу изучал их, зная, что это когда-нибудь пригодится.

И вот теперь он жадно взгляделся в заоблачную вышину, сиюсь мысленно сложить узнаваемые сочетания звёзд...

Ему сказочно повезло. Его глазам предстал сам Ковш, называемый аррантами Колесницей, – величественное созвездие, властелин северных небес, легче всего отыскиваемый и прежде прочих запоминаемый даже детьми. Он горел драгоценным топазовым блеском, словно расстёгнутое ожерелье, брошенное на бархат. Хономер испытал тихое блаженство, узнав благородный изгиб ручки Ковша и чуть угловатый, но всё равно прекрасный силуэт чаши. Небо сразу начало заволакивать снова, но жрец успел увидеть вполне достаточно, чтобы мысленно прочертить необходимые линии и уверенно определить, где сияет за тучами указующий Гвоздь.

Привычная память немедля вновь расстелила перед ним алайдорскую карту... Он прикинул по ней направление, которого придерживался с вечера, попытался хоть приблизительно угадать длину пройденного пути... И содрогнулся с головы до пяток, а в животе родилась ледяная сосущая пустота, не имевшая ничего общего с голодом. Он понял, что

либо небесные сферы вывернулись наизнанку, дабы учинить над ним, Хономером, очень недобрую шутку, либо он принял за Ковш разрозненные части совсем иных звёздных фигур, либо... либо он целую ночь шагал, выбиваясь из сил, в совершенно неправильном направлении. И все его приметные камни были не что иное, как самообман, обольщение чувств, угодливо отыскивающих в окружающем мире именно то, что их обладателю больше всего хотелось бы отыскать.

Хономер свирепым натиском воли отогнал придвинувшийся было страх. И даже оборол могучее искушение присесть на камень, чтобы думалось лучше. Он знал: потом будет не встать. Он попытался сосредоточиться. Предположение о внезапно вывернувшихся небесах вряд ли заслуживало пристального усилия мысли. То есть, конечно, по воле Ближнецов и Отца Их вполне могло произойти чудо ещё и похлеще; но изменять порядок всего мироздания только ради того, чтобы проучить одного оступившегося жреца?.. На какие бы высоты в своих мечтах ни посягал Хономер, ему всё же трудно было представить, чтобы тысячелетний порядок сложили из-за него одного. Но, с другой стороны, не впадал ли он тем самым в грех неверия? Что, если он оказался-таки избран для великих свершений – и не желал видеть явленного ему Знака?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.